

Марина Сарычева

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЁТ к ПСИ ОКТАНТА

Марина Сарычева

Последний полет к Пси Октанта

«Издательские решения»

Сарычева М.

Последний полет к Пси Октанта / М. Сарычева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907219-1

Бывший астронавт Иван Завадский недавно списан в запас и теперь ведет размеренную жизнь в загородном доме. У Ивана есть невеста Ольга, старый друг Михаил и несколько довольно странных домочадцев, один из которых считает Ивана своим отцом. Внезапная смерть в окружении Ивана все меняет. Непростые отношения героев еще больше осложняются, возникают новые проблемы, и даже поимка убийцы не помогает их решить. Возможно, корни проблем нужно искать не на Земле, а на планетах далекой звезды Пси Октанта.

ISBN 978-5-44-907219-1

© Сарычева М.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	28
Глава шестая	33
Глава седьмая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Последний полет к Пси Октанта

Марина Сарычева

© Марина Сарычева, 2018

ISBN 978-5-4490-7219-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Я часто думаю, почему я не такой, как папа. Наверное, я мутант, или болен какой-то экзотической болезнью... Или что-то плохое случилось со мной в детстве, чего я напрочь не помню, но что непоправимо изменило мою последующую жизнь...

Начать с того, что я не могу говорить. Представьте, я знаю все слова, я даже произношу их мысленно, при этом, как ни стараюсь, не могу издать ни звука. Вы только не подумайте, что я глупец или лентяй! Я много раз пытался выговорить то, что так непринужденно произносит мой отец. И каждый раз фиаско. Обидно, ей богу!

Но я не прекращаю стараний, учусь говорить днем и ночью, даже если я сильно расстроен или устал. Как только я произнесу свою первую фразу, случится нечто крайне важное. Мой папа, наконец-то, меня заметит, я стану для него интересен.

А пока что, увы, я для папы никто. Почему я в этом уверен? Да потому, что слышу не только папину речь, но и папины мысли. Вот только я его мысли слышу, а он мои почему-то нет. Отец обо мне вспоминает крайне редко, словно я и не сын ему вовсе. И если сложить все папины мысли в большущий шкаф, то для меня в нем найдется лишь мелкая полочка.

И что же лежит на этой несчастной полочке? Да ничего хорошего! Папины мысли о том, какой я никчемный и несуразный, какой безмозглый и беспомощный. Он даже играть со мной не хочет – зачем на безмозглого время тратить?! Даже на улицу меня не выпускает!

Вот и слоняюсь по дому, как старое привидение, не знаю, чем бы таким заняться. Часами разглядываю пейзаж за окном, да только он почти не меняется. Ну, разве что дождик пойдет, или белка по дереву запрыгает, или птичка споет свою глупую песенку... Скучно.

Подолгу смотрю папин телик в гостиной, запоминая все, что в нем происходит. Но с теликом есть одна проблема – я не могу его включить. Тут нужен четкий и звучный голос: называешь то, что хочешь смотреть, и смотри хоть до самого утра! Но я пока безголосый, и мне приходится ждать, пока телик кто-нибудь включит.

Обычно это делает папа, гораздо реже – тетя Оля, и крайне редко – дядя Миша. Как только включают телик, я сразу тут как тут. Смотрю передачи вместе с ними, но выбирают, что смотреть, всегда они.

Порой они уходят, забывая выключить телик, и тогда я смотрю его один. И пусть я много пока не понимаю, но с каждым днем мои знания ширятся, а словарный запас растет. Жаль, что папа об этом не знает.

Еще я люблю наблюдать за папой. Папа у меня очень умный, он понимает все, что в телике творится.

Вот, бегают по полю люди за ярким круглым предметом. Предмет называется «мяч», и купить его можно в любом магазине. Для меня их действия бессмысленны, а для папы очень даже интересны. Почему-то он за них переживает (не за всех, а лишь за тех, кто в лиловом) и даже мысленно и вслух их подгоняет.

А у меня – сплошные вопросы. Почему он волнуется лишь за лиловых, ведь другие, вроде бы, ничем не хуже? Зачем им всем понадобился мяч – предмет ничем не примечательный, ну, разве что раскраска красивая? И если уж им так его хочется, то почему бы людям на трибунах не помочь бедолагам: купить побольше мячей в магазине, чтобы на всех бегунов хватило. И бегать бы зря не пришлось!

Но, к счастью, папе нравятся не только бегуны за мячом. Еще он любит передачи о природе, и я их охотно смотрю вместе с ним.

Какая же разная эта природа! Один из ее вариантов я ежедневно вижу за нашими окнами, а все остальные можно увидеть в телике. Цепочки заснеженных гор, что упираются горбами прямо в небо, цветущие межгорные долины, зеленые равнины, пустыни из пурпурного и чер-

ного песка, лазурные и бурые моря, бурные реки с водопадами, деревья самых разных форм и размеров, ну и, конечно, всевозможных зверюг.

Зверюги бывают огромными и крошечными, глупыми и весьма сообразительными, они могут бегать, плавать и ползать, а еще они могут летать. Смотреть на них всегда безумно интересно, но в телике есть кое-что получше. Это – фильмы на разные темы с живыми актерами! Фильмы я люблю больше всех передач.

И дело даже не в том, что они напичканы информацией. В них присутствует нечто вроде волшебства. Они заставляют кого-то любить, а кого-то всерьез ненавидеть, и после них я часто сам не свой. И жалко бывает несчастных героев, и злишься частенько на них... Ну, нельзя же быть такими идиотами!

Мне бы обсудить все это с папой, но увы... Я же безголосый, как вы помните. Остается только слушать разговоры взрослых – папы с тетей Олей или с дядей Мишей.

Что касается двух последних, то, признаюсь, они мне не очень-то нравятся. Да и за что их любить-то? Сколько я себя помню, ни разу не слышал от них ни единого доброго слова.

Но разница между ними все-таки есть.

Дядя Миша никогда не смотрит в мою сторону и всячески старается меня не замечать, а тетя Оля, похоже, ко мне присматривается. Она даже как-то меня потрогала – довольно странное ощущение, но все-таки знак внимания.

Еще они по-разному пахнут.

У тети Оли запах очень резкий, порой настолько резкий, что просто перехватывает дух. И этот запах называется – «духи»! Я раньше думал, что она так пахнет сама по себе, но все оказалось иначе.

Ее запах закрыт во флакончике, и она на себя его брызгает, а если забудет побрызгать, то почти ничем и не пахнет. Только зря она его все время брызгает! Ей кажется, что этот запах привлекает папу, но папе он совсем не нравится. Папа просто молчит, чтоб подружку свою не обидеть.

А дядя Миша духами не пользуется и, когда он приходит к нам в дом, то пахнет естественно. Но вскоре его запах меняется.

Все дело в том, что дядя Миша вместе с папой играют в очень странную игру. И называется она – «уговорить бутылочку».

Название игры – одно из многих выражений, смысл которых мне не понятен. Они же с папой просто пьют из бутылки, а вовсе ее не уговаривают! И обращаются всегда только друг к другу, и никогда к самой бутылке. Возможно, называя так игру, они хотят запутать тетю Олю, которая очень не любит, когда они пьют из высокой стеклянной бутылки. И в этом я с ней полностью согласен.

Игра с бутылкой очень странно на них действует: дядя Миша становится резким и злым, а папа – тихим и задумчивым. Процесс игры вроде бы прост – наливают и опрокидывают, снова наливают и снова опрокидывают, но есть в нем какой-то подвох. Чем чаще опрокидывают, тем сильнее они меняются, и то, как они меняются, меня немного пугает. Для себя-то я давно решил – никогда не буду «уговаривать» даже самые красивые бутылки. Ну, разве что меня попросит папа... Да только что-то мне подсказывает, что папа меня не попросит.

Дядя Миша заходит к нам раз или два в неделю, а тетя Оля, представьте, у нас живет.

Я помню дни, когда ее здесь не было, и папа занимался мной гораздо чаще. Правда, не только мной, но и всякими дармоедами, но все равно это были хорошие дни. По крайней мере, я не чувствовал себя таким заброшенным.

Потом здесь появилась тетя Оля, и в доме все изменилось. Папа занимался тетей Олей, а обо мне вспоминал все реже и реже. Я обижался, даже злился, а что толку? В конце концов, я решил терпеливо ждать, когда же папе надоест его подружка. Должна же она когда-нибудь ему надоест!

Но время шло, а тетя Оля от нас не съезжала. И я постепенно привык. Ну, живет и живет, за домом следит, кормит папу, меня и папиных дармоедов...

Папа с подружкой нечасто находятся дома. По понедельникам, средам и пятницам они уезжают в город. Там, в городе, у них какая-то «работа», а что это значит, остается только догадываться. Пока же я понял одно: если ты взрослый, то должен ходить на работу. Я тоже когда-нибудь стану взрослым и тоже пойду на работу. Эх, скорей бы мне уже вырасти!

Другие дни у папы с тетей Олей «выходные», и на работе в эти дни им делать нечего. Выходные они раньше проводили вместе, сейчас же каждый сам по себе. Тетя Оля чем-то в городе занимается, ну а папа дома отдыхает: читает книжки, смотрит телик и развлекает дядю Мишу.

У папы с дядей Мишей две любимые игры. Кроме игры в «бутылочку», они еще играют в «баньку». Запрутся в маленькой избушке за домом и что-то там, видимо, жгут – не зря из трубы дым валит. Потом гольшом выбегают наружу и прыгают в речку. Короче, развлекаются на славу. Вот бы и мне когда-нибудь так!

А все вечера в нашем доме похожи один на другой. Сначала папа с тетей Олей долго смотрят телик, потом у них водные процедуры, потом смешные толкания в постели, потом до самого утра они молчат и ровно дышат. Мне становится скучно, и я начинаю болтаться по дому. Делать-то все равно больше нечего!

Слоняясь по дому, я все время натываюсь на других – тех, кого папа называет питомцами. И зачем только он их здесь поселил?! От них же вообще никакого толку. Не зря я прозвал их дармоедами!

Начать с того, что говорить они тоже не умеют. Но не это главное. Главное – пустота у них в голове. Ни одной оформленной мысли! Одни желания, и те примитивны до отвращения: поесть, попить, справить нужду, поплескаться в ванной, в лучшем случае – потереться о папины ноги.

Нет, они мне явно не компания! Но иногда я что-то чую за наружной стеной – что-то большее, чем просто желание поесть и справить нужду. Это отзвуки мыслей разумного существа, кого-то вроде меня. Он там, похоже, один и оттого всегда грустный. Его мысли не похожи на мои или папины – он не думает словами, а как будто где-то витает.

Вот он в каком-то странном помещении, с кривыми стенами и потолком и почему-то совсем без мебели. В том помещении живут «мохнатки» – не знаю, как они на самом деле называются, но очень уж мохнатые. У всех мохнатиков по восемь лап и длинная пушистая шерсть. Бывают белые, черные и пегие мохнатки. Белые – самые крупные и степенные. Когда они стоят на четырех задних лапах, то ростом чуть пониже тети Оли. Черные – мелкие и юркие. Они то возятся друг с другом, то ездят на спине у белых. Пегие – резвые и задиристые, и рост у них промежуточный. В общем – разношерстная компания.

А вот он на огромной площадке, со всех сторон окруженной серыми скалами. Сидит на вогнутой спине большого белого мохнатика и слушает какие-то байки. Одного я не пойму – где он видел эти скалы и этих мохнатиков? Лично я ничего подобного не видел даже в телике. Может, это где-то очень далеко, так далеко, что даже телик туда не дотянется?

Не зная его имени, я обозвал его «мечтателем». Признаюсь, я не раз пытался с ним связаться, но он почему-то не хочет контактов. И каждый раз в ответ на дружелюбный мысленный посыл я слышал раздраженное «отстань». Не нашими привычными словами, но, в целом, очень даже понятно.

А мне-то что? Мне не очень-то и надо! У меня есть папа и телик. Это у него – одни лишь мечты. Вот и пусть себе мечтает дальше!

И все же мне давно хотелось на него взглянуть. Признаюсь, я буквально изнывал от любопытства. Но тут возникла серьезная проблема. Чтобы увидеть мечтателя, необходимо покинуть дом. Только как это сделать?

Задача поначалу казалась нерешаемой. Но я упорный, я не отступал. Наблюдая за взрослыми (папой, тетей Олей, дядей Мишей), я в итоге во всем разобрался.

Дверь, что мешает мне выйти из дома, отодвигается в сторону. Запирают ее далеко не всегда – только ночью, когда взрослые спят, или днем, когда они куда-то уезжают. И запертую дверь уже не сдвинешь!

Но если днем хотя бы один из взрослых дома, входная дверь у них просто прикрыта. Они уверены, что мне и так ее не открыть, что я, как и папины питомцы, безмозглый. Но, к счастью, я не такой, как они, и я легко научился эту дверь открывать. Ничего сложного, ей богу!

И однажды я решился на побег. Папа с дядей Мишей заигрались в «баньку», тетя Оля укатила в город, в доме были только я и безмозглые. Вот тогда я аккуратно сдвинул дверь и тихонько улизнул из дома.

Снаружи был ужасный сквозняк, но вовсе не это меня напугало. Я был буквально оглушен лавиной новых запахов и звуков. Мне захотелось вернуться в дом, но я, собравшись с духом, подавил свой страх. Как любит говорить мой папа: «Пустот бояться – на Мимант не летать!» Интересно, что такое «пустоты» и где он – этот самый «Мимант»?

Мой папа, кстати, много путешествовал и не раз бывал в дальнем космосе. Возможно, именно там он и видел Мимант и пустоты. Про дальний космос я скажу вам прямо – это очень, очень, очень далеко. Я бы тоже слетал в дальний космос, но только вместе с папой. Надеюсь, когда-нибудь это случится.

Простите, отвлекся.

Короче, выскользнул я из дома и прямо туда, откуда мне слышались мысли мечтателя. По большой дорожке от крыльца, затем по маленькой дорожке, мимо остро пахнущих деревьев...

Но вот деревья расступились, и взору открылась большая поляна. На поляне стояло низкое сооружение, с прозрачными наружными стенами и тонкими перегородками внутри. Я понял, что мечтатель где-то в нем, но он был там не один.

Обитателей прозрачной постройки оказалось четверо! На вид – один диковинней другого, но было в них и что-то знакомое, как будто я их раньше где-то видел... Каждый заперт в отдельном прозрачном отсеке, что позволяло хорошо их рассмотреть.

Первый звереныш – размером с большую собаку, но на собаку совсем не похож. Его кожа гладкая и пятнистая, а лапы сильные и очень гибкие. Всего я насчитал шесть лап: на четырех он стоял, еще две держал на весу. Тело у странного зверя поджарое, удлиненное, головка круглая, уши тонкие, подвижные и сильно заостренные. Глаза невыразительные, тусклые, при этом очень крупные и выпуклые. Рот в виде круглой зубатой дырки в центре конусовидной морды. Носа вообще не видно, зато имеются круглые дырочки возле ушей. В такт дыхательным движениям его груди эти дырочки то расширяются, то схлопываются.

Он энергично шастает по клетке и роняет слюну изо рта. Он только что поел и хочет порезвиться, а резвиться ему особо негде. Пятнистый скучает и явно хочет на волю, но тут я ему не помощник. Он совсем не тот, кто мне нужен!

Вторая зверушка чуть покрупнее, похожа на мелкую лань без рогов. У нее коротенькая серенькая шерстка, а из-под шерстки проглядывает белая кожа. Под тельцем зверушки четыре тонкие ножки с изящными маленькими копытцами, а спереди на серо-белой грудке – две гибких лапки с короткими пальчиками. Эти лапки ей явно нужны для почесывания, она все время ими что-то ковыряет. Головка у зверушки удлиненная, с заостренными серыми ушками. Глаза, как у ее пятнистого соседа – большие, выпуклые и тусклые, а морда вытянута в виде трубочки.

Зверушка стоит у прозрачной стены и смотрит прямо в мою сторону, но, похоже, меня не видит. Немного постояла, вроде как принюхивалась, затем направилась к своей кормушке. Довольно симпатичная зверушка, но искал я точно не ее.

Третий зверь самый крупный и мощный. Он похож на шестиногого коня, но с трубчатой мордой и более узким и длинным телом. Шерсть у коняги редкая, почти бесцветная, под шерстью плотная серая кожа. Все шесть ног у него ходовые, и на каждой ноге – большое копыто. Одна из передних ног почему-то кривая – неужели же он кривоногим родился? Как-то не верится... Он неровной рысью бегаёт вдоль стенок, но разве ж тут разбежишься? Ему бы помещение побольше, он бы сразу пустился вскачь. И кривая нога не помешала бы!

Его огромные глазищи столь же тусклые, как у пятнистого и серенькой. И уши как у них – острые и чуткие, и на морде не видно носа. Я, конечно, не большой знаток, но объединил бы всех троих в одну компанию.

Зато четвертый житель прозрачной постройки в эту компанию явно не вписывался. В нем я сразу узнал своего мечтателя. И он, как я давно подозревал, не просто грезил о мохнатиках, он и сам был одним из них!

Мечтатель весь покрыт пушистой белой шерстью, и лап у него не шесть, а восемь. Он сидит, привалившись к какой-то прозрачной каморке. Четыре лапы он поджал под себя, еще четыре сложил на груди. Голова у него довольно крупная и слегка грушевидной формы, шерстистые белые уши спускаются прямо на круглые плечи, нос в виде маленькой розовой пуговки, а рот – наподобие длинной щели. Глаза у него ужасно выразительные – не то, что тусклые глаза его соседей! Слегка углубленные, влажные, и цвет у них какой-то переливчатый. А сам он грустный и немного затюканный. И он, как всегда, мечтает!

Вот и сейчас он в мыслях с другими мохнатиками. Черненькие с ним играют и дурачатся, беленькие его возят на спине. Он почему-то считает себя маленьким, хотя по размеру побольше пятнистой зверюги.

Я вновь попробовал наладить с ним контакт, и вновь был отвергнут. И не просто отвергнут, а вышвырнут прочь из прекрасной страны его грез. Было обидно и непонятно. Неужели лучше быть одному, чем общаться с таким, как я? Я же вижу, что ему тоскливо. Мы могли бы вместе мечтать, или просто мысленно переговариваться. Я знаю много разных историй, ведь каждый фильм, просмотренный мною по телику, это новая красивая история. Ему было бы со мной интересно! Так почему он не хочет общаться? Неужели только потому, что я не мохнатик?

Ладно, больше я мечтателя не потревожу. Мне теперь и без него есть чем заняться!

Пока папа с дядей Мишей прятались в баньке, я обследовал прилегающий к дому участок. Красиво, ничего не скажешь. И все такое реальное! Гораздо реальней, чем если смотреть из окна.

С трех сторон дом обрамлен посадками в виде сада или парка. Среди деревьев дорожки проложены, и кое-где стоят красивые скамеечки. Дорожки покрыты мелкой плиточкой, а скамеечки яркие и мягкие.

Дорожка, что ведет от крыльца, гораздо шире остальных и выходит прямо к шоссе. По шоссе машины проносятся, так что лучше мне туда не соваться. От широкой дорожки в обе стороны отходят более мелкие. Одна из мелких дорожек ведет к прозрачным домикам, где живут зверюги и мохнатик. Из наших окон те домики не видно, с шоссе их тоже не видно. Это папа правильно придумал, что спрятал домики ото всех. Зачем тревожить зверюг и мохнатика? Им и так в тех домиках не сладко!

Закончив осмотр сада, я вернулся к крыльцу. Убедился, что все спокойно и осторожно двинулся вдоль стены. Обогнув дом спереди и сбоку, я тихонько выглянул из-за угла.

За домом большая лужайка и папина банька стоит. А дальше за банькой река протекает. Сам я эту реку никогда не трогал, но слышал, что она очень мокрая. Надо бы мне в этом убедиться...

Пока я думал, не потрогать ли мне реку, дверь баньки внезапно открылась. Из баньки выбежали папа и дядя Миша, оба совершенно без одежды. Они побежали к реке и попрыгали вниз, и я увидел очень много брызг.

Да, потрогать реку сегодня явно не получится. Мне срочно пора возвращаться, пока папа с дядей Мишей меня не заметили. Зато впечатлений на месяц вперед! Признаюсь, я очень собою доволен.

Я тихо вернулся в дом и аккуратно задвинул дверь. Теперь ни папа, ни дядя Миша, ни даже вьедливая тетя Оля ничегошеньки не заметят. Согласитесь, я совсем не глупый!

Глава вторая

Месяц спустя...

– Иван, почему этот наглый удав опять разлегся на ковре?

Ольга, осторожно обойдя животное, подошла к креслу, но прежде чем сесть, внимательно осмотрела сиденье и даже на всякий случай потрогала его рукой. Там определенно было пусто, и девушка уже без колебаний плюхнулась в кресло.

Иван Завадский, полулежа в соседнем кресле, смотрел телевизор. «Телик», как обычно называл его Иван, был самым простым, в виде тонкой пленки на стене, и транслировал стандартное трехмерное изображение.

Ольга искоса взглянула на экран. Какой-то полузабытый ужастик об освоении космоса: полчища инопланетных монстров против горстки астронавтов в легком снаряжении. Астронавты азартно крушили монстров и заодно спасали местную принцессу, похожую на самку гигантской стрекозы.

Что ж, Иван есть Иван. Никаких новостных программ или модных игровых шоу! Только старые фильмы, футбол, передачи о науке и живые репортажи о природе... В крайнем случае – какой-нибудь концерт, и то исключительно ради Ольги.

Завадский оторвался от экрана и укоризненно взглянул на Ольгу. Он был мускулист и подтянут, с ироничным худощавым лицом, и выглядел лет на пять моложе реального возраста.

– Во-первых, никакой он не удав, и даже не рептилия вовсе, – заговорил Иван приятным баритоном. – Твой «удав» на самом деле – змеехвост с Таона. Змеехвосты, между прочим, теплокровные и живородящие. К тому же у него на теле шерстка, а не змеиная чешуя. Потрогай, какой он мягкий и теплый!

Ольга Пименова скорчила брезгливую гримасу, которая совсем не портила ее курносую мордашку.

Она была невысокой и складной, с милым, славянского типа лицом и волнистыми светлыми волосами. Сама Ольга считала себя красивой, пусть и не совсем модельной внешности (не всем же быть худыми, длинными и плоскими!), зато пикантной и харизматичной. Еще она считала себя умной, что, как казалось девушке, придает ей особый шарм.

– Ну, не бойся, протяни руку, поверь, он ее не откусит! – настаивал Иван.

Поджав ноги и обхватив колени руками, девушка съежилась в кресле.

– Отстань, не хочу! Я всех твоих зверушек давно перетрогала – когда насыпаю им корм в кормушки, они так и лезут под руки. Приходится отгонять.

Она вновь взглянула на экран и снова чуть не скорчила брезгливую гримасу, но вовремя включила внутренний контроль.

Да, фильм, определенно, для подростков. Да, Ивану уже за сорок и пора бы смотреть что-нибудь посерьезней. Но она же не диктатор какой-то! К тому же и сама не безгрешна. Любит походить по магазинам, бездумно тратя деньги и потом жалея о покупках. Любит посидеть с подружками в кафе, уплетая пирожные и судача о мужчинах. И Иван ни разу не сказал, что это плохо. А мог бы...

Почувствовав, что Ольге фильм не нравится, Завадский четко произнес команду «стоп», и экран телевизора погас. Затем он развернул кресло к девушке и произнес с добродушной улыбкой.

– Ну, если ты их всех перетрогала, тогда ответь мне, только честно: разве я не прав насчет Каната, разве он не мягкий и не теплый?

Ольга улыбнулась жениху, но стройные ноги в зеленых лосинах с кресла так и не спустила.

– Ты можешь с ним хоть целоваться, но я все равно его боюсь, – игриво взглянув на Ивана, сказала она. – Пусть он на ощупь мягкий и теплый, но зубки у него довольно острые. И глазки весьма неприятные, вроде как оценивающие. Неужели ты сам не видишь?

Взгляд Ивана стал слегка ироничным.

– Пименова, не выдумывай! – менторским тоном сказал он. – Не может Канат никого оценивать. Весьма примитивная форма, хотя и теплокровная. Мозг не больше грецкого ореха, если это вообще мозг... Ученые, кстати, так до конца и не разобрались. Главное, что он совершенно безобиден и ест только растительную пищу. Могла бы дать ему с руки пару картофелин, он был бы тебе весьма признателен.

Ольга негодуяще фыркнула.

– Еще чего, пусть ест из своей миски! Кстати, – тут выражение ее лица несколько смягчилось, – что-то Кузя сегодня капризничает. Пока проводилась уборка вольера, он ни разу не подошел за бананом. А Барсик, напротив, в отличном настроении. Все руки мне облизал, теперь на них какая-то пленка, и почему-то кожу стягивает...

Иван негромко чертыхнулся. Впрочем, особо обеспокоенным он не выглядел.

– Смой ее сейчас же! Эта пленка содержит пищеварительные ферменты. Человеческую плоть они не переварят, но дерматит обеспечить могут.

Забыв о Канате, Ольга вскочила с кресла и устремилась в ванную. Там долго журчала вода. Наконец, она вышла, вытирая руки одноразовым полотенцем. Вид у нее был встревоженный.

– Вань, а зачем он меня облизывал? Он что – съесть меня хотел? – с серьезным видом спросила она.

Завадский негодуяще взмахнул рукой.

– Да нет, конечно! Просто...

Так и не закончив предложение, он вдруг задумался. Девушка молча ждала продолжения. Пауза затягивалась. Потеряв терпение, она вновь задала вопрос.

– Так чего же все-таки хотел Барсик?

Иван виновато отвел глаза.

– Если честно, то не знаю. Раньше он никогда не лизался. Облизать какой-нибудь фрукт – это для Барсика нормально, так он готовит фрукт к перевариванию. Но облизывать руки хозяйки... Придется заняться его воспитанием.

– Ты привез его на Землю детенышем? – зачем-то спросила Ольга, хотя прекрасно знала ответ.

– Как и всех остальных питомцев... – спокойно ответил Иван. – За два с лишним года они все здорово вымахали.

– И ты не жалеешь об этом? – пытливо заглядывая ему в глаза, спросила девушка. – О том, что привез сюда всех этих тварей? Завел бы, как все люди, собаку или кошку! А эти... Ну какая тебе от них радость?

Иван крутанул кресло вокруг оси и приподнял ноги. Повертевшись волчком, кресло остановилось. Пока Иван крутился в кресле, Ольга старалась на него не смотреть – от вида быстрого вращения у нее кружилась голова.

– Ты всю жизнь провела на Земле, тебе не понять душу астронавта, – с шутливой надменностью изрек собеседник.

– А ты попробуй объяснить! – ничуть не обидевшись, попросила девушка.

– Видишь ли, Оля, – задумчиво начал Завадский, – они не просто инопланетные твари. Они – моя память о Пси Октанта. Когда я смотрю на них, я словно вновь ступаю ногами

по какой-нибудь из трех ее планет. И я там счастлив, действительно счастлив. Тогда мне казалось, что это просто работа, теперь же я понял, что это было нечто большее. Понятно тебе?

Пименова помрачнела. Хотел он этого или нет, но Иван вновь дал ей понять, что главное в его жизни – не Ольга. Говорит, что любит ее, но свою прежнюю жизнь он, похоже, любит больше. «Что ж, значит, мне есть над чем работать!» – привычно подбодрила себя девушка.

Завадский тем временем продолжал.

– Знаешь, я чувствовал, что тот полет к Пси Октанта будет последним! Я даже склоняюсь к мысли, что в нашем вездесущем Управлении все было заранее решено. Конечно, мне ведь было уже за сорок! По их понятиям, я выработал свой ресурс. Постоянная космическая радиация, множественные пространственные скачки, перенесенные экзотические болезни... Да, болезней я там перенес немало – от лихорадки Куфа на Гратионе до злокачественной анемии Смайла на Таоне. Если бы не мой могучий организм и не наш искусный корабельный врач... Тем не менее, последствия остались, гемоглобин в моих анализах не выше ста двадцати. Плюс ко всему – критический для капитана возраст... Но могли бы еще лет на пять продлить контракт, кусок бы от них не отломился!

Ольга согласно покивала – мол, могли бы и продлить, почему бы и нет?

– Так нет же! Разрешили только транспортные рейсы в пределах Солнечной системы, а дальше Плутона – ни ногой. А на что мне эти транспортные рейсы?! Скука, тоска, однообразие. После дальнего космоса уж лучше осесть на Земле и вспоминать, вспоминать, вспоминать, чем влачить унылое существование на каком-нибудь околоземном сухогрузе.

Тут Завадский тяжело вздохнул.

Ольга слушала его, раскрыв рот – Иван умел держать внимание собеседника. Когда он начинал что-то рассказывать, в его голосе и взгляде появлялось нечто гипнотическое. К сожалению, этот дар проявлялся достаточно редко, поскольку от природы Завадский был немногословен.

– А эти три планеты Пси Октанта... Ты не поверишь! На всех почти земные условия: примерно то же атмосферное давление, похожий состав воды, воздуха, грунта... И масса всяких забавных тварей, по большей части абсолютно безмозглых. Но я, поверь, даже не мыслил, собрать себе из этих тварей зоопарк, а после доставить его на Землю. Просто так сложились обстоятельства. Я взял на Землю лишь тех, кто на своей планете был обречен. Решил, так сказать, дать им еще один шанс. Сентиментальным стал, потянуло на добрые дела. К тому же, я еще не встретил тебя, а жизнь в одиночестве – не слишком веселая штука. Я надеялся, что эти твари ее скрасят, и во многом так оно и вышло. Смотрю на них, и словно вновь ступаю по одной из трех прекрасных планет, куда мне, увы, уже не слетать.

– Но ты бы мог слетать туда пассажиром, – подала голос притихшая Ольга.

Сказала, и тут же пожалела о сказанном. Казалось бы, безобидная фраза, но Ивану она не понравилась. Его лицо теперь выражало крайнюю степень возмущения.

– Издеваешься, что ли? – презрительно скривив губы, изрек он. – Я – пассажир корабля, на котором совсем недавно был капитаном!

– И что в этом особенного? – робко спросила Ольга.

– Не прикидывайся дурочкой! – бросил он довольно резко. – Они же будут меня жалеть, а кое-кто даже злорадствовать.

Девушка невольно поморщилась (Иван порой был склонен к паранойе), и примирительно сказала:

– Извини, я сморозила глупость. Так что там с твоими питомцами? Я и не знала, что ты спас их от смерти.

Иван вмиг успокоился, переключившись на рассказ о питомцах. У Ольги даже создалось впечатление, что сцена с возмущением была немного наигранной.

– Первым спасенным был Кузя – малыш ушастой лани с Гратиона, – начал рассказ Завадский, и Ольга вновь погрузилась в гипнотически-бархатный тембр его голоса.

– Ушастые лани живут в лесостепи большими стаями. Мы с Мишей в тот день наблюдали за ними, делали снимки. Внезапно возникла опасность для стаи. Ушастые лани тут же сбились в круг: малыши внутри, взрослые по периметру, а потом вдруг вытолкнули наружу одного из детенышей. Они так поступают со слабыми и больными – естественный отбор, понимаешь! Опасность-то мы с Мишей устранили, но стая детеныша назад не приняла. И мне вдруг стало его жалко: малыш еще совсем, дня не пройдет, как станет добычей хищников!

Глаза у Ольги влажно заблестели. Она представила бедного Кузю брошенным собственной стаей, и от жалости была готова расплакаться.

– В тот день еще один малец остался сиротой, – продолжил Иван. – Барсик... Он тогда был не больше котенка... Забрал я их обоих на корабль, сделал из подручных средств две клетки. С этих двух детенышей все и началось. Потом был Ламбрикон – его я тоже подобрал на Гратионе. Затем, уже на Таоне, я взял на борт еще четверых – Черныша, Антея, Каната и Чухендру. Последней была Розалия, подобранная на Миманте.

Внезапно синяя подстилка на одном из кресел ожила. Ольга невольно уставилась на нее. Подстилка плавно сползла на пол, где приняла форму приплюснутой капли и изменила цвет на светло-бежевый. На полу она ускорила движение, явно намериваясь заползти под диван. На пути к дивану ей попался старый тапок Ивана. «Капля» вдруг замерла, затем заколыхалась и приняла форму, весьма похожую на брошенный Завадским тапок. Через пару секунд «тапок» дрогнул и расползся, а «капля» быстро спряталась под диваном.

– Ты это видел? – ахнула Ольга. – Видел, как она в тапок превратилась?

– Конечно! – улыбнулся довольный Иван. – У нашей Розалии потрясающая способность к мимикрии.

– Да уж, – согласилась Ольга, затем вопросительно вскинула бровь.

– А почему ты назвал это чудо природы Розалией? Ты ведь даже не знаешь, какого оно пола!

– Почему же, знаю, – спокойно парировал Иван. – Никакого! Нет у них полов в нашем понимании.

– Ты в этом уверен?

По худощавому лицу Ивана пробежала тень сомнения.

– Ну... почти. Процентом, так, на девяносто восемь... Просто для размножения нужны две особи. Они сливаются в огромную каплю, что-то там внутри происходит, потом капля вновь распадается, но особей уже три: две больших и одна маленькая. И так два-три раза за всю их жизнь. Но если численность популяции падает, цикл размножения может ускориться.

– А сколько лет они живут? – заинтересованно спросила Ольга.

– По земным меркам довольно долго – лет двести пятьдесят, а то и все триста. Как говорится, нам бы так! Кстати, ты не сварь нам кофе?

– Запросто! – бодро ответила Пименова, схватила с журнального столика пульт и нажала на нем пару кнопок. Пульт был универсальным и подходил к абсолютно любой кухонной технике. Вскоре из кухни донеслось шипение и бульканье воды. Ольга упорхнула на кухню и вернулась с двумя чашечками кофе на подносе.

Допив остатки кофе, Иван лениво потянулся. Поиграл рельефными мышцами рук, искоса поглядывая на Ольгу. Ему было сорок семь, ей – всего двадцать шесть. Присутствие рядом столь молодой женщины когда-то льстило его самолюбию.

В то время он часто задавался вопросом – почему? Почему она выбрала именно его? И ответ, как всегда, был неутешительным. Теперь он воспринимал Ольгу как данность. Да, молодая, да, красивая, да, выбрала его по не слишком приятной для него причине. Все это уже не столь важно, есть кое-что поважнее.

Ольга унесла пустые чашки обратно на кухню, побросала в посудомоечную машину (чашки с блюдцами были небьющимися, внутри же машина сама расставляла посуду как надо) и запустила процесс мытья. Конечно, им было бы проще пользоваться одноразовой посудой, аппарат для производства которой мигал зеленым огоньком в углу кухни, но Иван Завадский был упертым ретроградом.

Ему нравилось все натуральное: небьющаяся фарфоровая посуда, деревянная мебель, хлопчатобумажная одежда и, естественно, натуральная еда... Точнее, почти натуральная, поскольку то, что теперь называлось мясом, отнюдь не являлось мясом убитых животных. Все натуральное стоило немалых денег, и у Ивана они были. Ольга и сама неплохо зарабатывала и тоже могла кое-что себе позволить, но заработок и пенсия астронавта были на порядок выше.

Вернувшись в комнату, она задумчиво произнесла:

– Гратион, Таон, Миманг... Интересно, кто дал планетам такие названия?

Иван, уже успевший вновь включить телик и уткнуться в него, нехотя отозвался.

– Денис Нигматуллин почти пятьдесят лет назад, когда впервые открыл три планеты у звезды Пси Октанта. Эти названия – они из греческой мифологии. Я бы просто дал планетам номера, но Денис был парень начитанный.

Сморщив свой стильный курносый носик (в то время была мода на курносые носы, а у Ольги был такой от природы), девушка весело произнесла.

– Не прибедняйся, ты тоже достаточно начитан. Но очень ленив!

Иван решительно выключил телик. Ольга настроена поговорить, а он человек воспитанный. Да и фильм про агрессивных монстров и принцессу-стрекозу он видел уже не раз. Обычная фантастика для старшеклассников, разве что снята красиво, добротна. Растянув губы в улыбке, он повернулся к девушке.

– Знаешь, Оля, в рейсе некогда над названиями заморачиваться. Успеть бы выполнить основную задачу!

– А какая задача была у тебя в последнем рейсе? – с любопытством спросила Пименова.

– Да такая же, как и в предпоследнем, и в пред-предпоследнем! План по лопатнику поджимал. Начальство требовало собрать урожай в кратчайшие сроки.

– И ты, конечно, выполнил задачу?

– И урожай был собран в срок, и из команды никого не потерял. Можно сказать, идеальная была экспедиция.

– После которой тебя вдруг отправили в отставку. И не одного, а вместе со старпомом, который, кстати, на год моложе тебя. У старпома тоже был критический возраст?

Завадский глянул на нее с досадой. Ольга порой была не слишком деликатна. Высказывая мысли прямо, она не думала о последствиях. Зато на работе девушку ценили! Для молодого школьного учителя прямолинейность была скорее плюсом, чем минусом.

– Представь себе, да, – холодно произнес он. – Ему уже тоже было за сорок. Пространственных скачков у нас с ним было одинаково, да и болезней Миша перенес не меньше. Но дело, может быть, даже не в этом. Возможно, кому-то наши должности понадобились – пристроить сынков своих или племянников. Молодежь в космофлоте всегда наступает старшим на пятки, а протекции еще никто не отменял. Да-да, не спорь! Это по телику все так прозрачно и честно, а реальная жизнь, сама знаешь, сложная штука.

Ольга вскочила с кресла и обняла Ивана сзади.

– Ты прости меня, Вань. Я вечно что-нибудь болтаю, о чем потом ужасно сожалею. Может, лучше фильм какой-нибудь посмотрим?

Иван переключился мгновенно. Никаких обид на Ольгу больше не было. Фильм так фильм!

– Ты уже видела «Хищные камни Вонера»? – интригующим тоном спросил он. – Или «Считаю до ста и стреляю»?

- Нет, не видела, а ты?
 - Тоже нет. Так что выбираем?
 - «Хищные камни Вонера»... – нараспев произнесла Ольга. – Это о чем? Опять о дальнем космосе?
 - Не только, – улыбнулся Иван. – Еще и о любви.
 - Между камнями, что ли?
 - Завадский коротко хохотнул.
 - Все пытаешься острить! Между людьми, конечно.
 - Ольга довольно хмыкнула – Иван не часто замечал ее остроты.
 - Так ты его точно не видел?
 - Точно. Зачем мне врать?
 - Тогда откуда ты знаешь, что он о любви?
 - По телику была реклама.
 - Ладно, включай свои «Хищные камни...»
- Она пересела к Ивану в кресло и уютно прижалась к нему. Он привычно обнял ее за плечи. А по трехмерному экрану уже ползли титры, и героиня, блондинка в золотистом шлеме и в доспехах, смотрела куда-то полными страха глазами.

Глава третья

Неделей позже...

– Ну что, Вань, давай еще по одной!

Слегка захмелевший Михаил Рыжкин постучал граненой стопкой по столу.

Стол был сравнительно новым, из натуральной марсианской древесины, с красиво закругленными углами, фигурными стальными ножками, со светлой столешницей под карельскую березу. Возле стола было четыре вращающихся кресла на колесиках, два из которых сейчас были заняты приятелями.

На просторной кухне Завадского, серо-бежевые стены и нежно-голубой потолок которой, по замыслу Ольги, успокаивали нервы, стол и кресла смотрелись дорого и стильно.

Вдоль одной из стен кухни тянулась деревянная панель с выдвижными ящичками разного размера и разнообразной встроенной техникой.

Почти всю технику Ольга подбирала сама, разве что большущий холодильник, занимавший едва ли не треть панели, был куплен Завадским еще до нее. С приходом Ольги к холодильнику добавились: универсальная духовка, машина для производства одноразовой посуды, машина для мойки обычной небьющейся посуды, комбайн для утилизации отходов, мультипрограммная кофеварка и еще несколько агрегатов, назначения которых Завадский не знал.

Вдоль соседней стены тянулась столешница для готовки с большой и удобной мойкой в центре. Столешницу Иван и Ольга выбирали вместе. Она активно использовалась в период начала их совместной жизни, когда Пименова честно пыталась готовить.

Запала ей хватило ненадолго. Примерно через полгода, как и все обычные семьи, они перешли на готовую пищу, которую им доставляли с ближайшей фабрики-кухни. Дополнением к готовым блюдам служили разные деликатесы, их Ольга закупала в известных только ей магазинах.

Свободную стену занимала гибкая телевизионная панель наподобие той, что имела в гостиной. Панель в данный момент была выключена за ненадобностью.

Специальное покрытие пола меняло орнамент по усмотрению хозяев, а в холодное время года обеспечивало отопление. Сейчас на полу был какой-то абстрактный узор в желто-вато-бежевой гамме.

Хозяин дома был одет в темно-серый спортивный костюм и черно-белые полосатые носки. Тапки, как всегда, где-то валялись. На госте были свободные брюки молочного цвета, черная футболка и бежевые мокасины.

Иван с сомнением глянул на приятеля.

– А, может, нам уже хватит?

Взъерошив каштановую шевелюру с глубокими залысинами спереди, Рыжкин басовито произнес:

– Да ладно тебе, Вань! Почему бы нам еще не выпить? Мы мужики свободные, брачными узами не связанные, отчитываться ни перед кем не должны...

Сидевший напротив Завадский заметно смутился.

– Ну, знаешь, Миш... Я бы не назвал себя свободным. Ольга мне почти что жена, и ей не нравится, когда я выпиваю.

В тонкой усмешке Михаила отразилось презрение.

– Слава богу, что «почти». Надеюсь, дальше этого «почти» у вас не пойдет. Или ты намерен вступить в законный брак?

Иван вопросительно поднял густые брови.

– Не понимаю... Тебе-то какая разница, намерен я или нет? Что ты, вообще, имеешь против Ольги?

Рыжкин вновь постучал пустой стопкой по столу, затем произнес с видом знатока.

– Конкретно против Ольги – ничего. Девушка она неплохая, я знавал намного более стержневых особ. Я – принципиальный противник брачных уз. Вот скажи мне, зачем современному мужчине жениться? Что ему сулит официальный брак? Ничего, кроме лишних сложностей при неизбежном разводе. В давние времена, когда почти вся работа по дому делалась вручную, брак был хоть как-то оправдан – жена готовила, стирала, гладила, короче, всячески облегчала мужу жизнь, а муж зарабатывал себе и ей на эту жизнь. Сейчас мужчина с женщиной работают на равных, дома напичканы всякой бытовой электроникой, служба быта сама стучится в каждую дверь и обходится в сущие копейки, а сети домашнего питания опоясали планету вдоль и поперек. В таких условиях брак является пережитком прошлого, неким атавизмом, не оправданным ни логически, ни экономически.

– А как же дети? – прищурившись, спросил Иван.

Его вопрос лишь подлил масла в огонь.

– А что – дети? – мгновенно откликнулся приятель. – Сейчас их повсеместно воспитывают няни, маму с папой дети видят от случая к случаю. Вот недавно проводился мониторинг рынка труда, выявляли самую востребованную профессию. И как ты думаешь, какая из профессий победила? Ладно, не ломай голову! Победила высококвалифицированная няня со знанием медицины и педагогики.

– Что, спрос на нянь действительно так велик? – удивился бездетный Завадский.

– Ты даже не представляешь, насколько велик! – усмехнулся Рыжкин

– Но это же не всем по карману, – засомневался хозяин.

Михаил взглянул на друга удивленно.

– Ты откуда свалился, Ваня? Ты что, совсем не смотришь новости?

– Смотрю иногда, а что?

– А то, что ты какой-то дикий. Про дальний космос знаешь все, а вот о том, что происходит рядом... Так и быть, просвещу тебя немного. Индивидуальная няня стоит дорого, зато групповая – намного дешевле. Обычно это делается так. Дипломированные няни с лицензией и просторным жильем размещают в интернете объявления. Родители читают объявления и выбирают подходящую няню мужского или женского пола. Когда у няни наберется группа (обычно не больше десяти детей), она заключает контракт с родителями. После этого детей привозят к ней и оставляют. А дальше уже по желанию – кто-то своих каждый день домой забирает, кто-то раз в месяц на пару часов. Так какая этим детям разница, в браке мама с папой или нет?! Даже лучше, когда не в браке, матери пособие от государства положено. Но бабы все равно хотят замуж! Они же безмозглые, как этот твой Канат...

Тут Рыжкин бросил опасливый взгляд на разлегшееся на ковре змеевидное животное.

– Жуткая гадость, зря ты его на Землю притащил! – пробормотал он и вновь вернулся к главной теме своего монолога.

– Так вот, бабы! Быть замужем – это у них идея фикс. Мужчину обязательно надо присвоить, поставить на него некое клеймо – мол, мое и больше ничье! Не понимают, дурынды, что присвоить нас невозможно.

Он замолчал, глядя в огромное, выходящее в сад, окно. Стояла середина лета, и все деревья в саду уже отцвели.

Сад служил, в основном, для дизайна, но Ольга надеялась по осени собрать неплохой урожай груш, яблок и слив. Еще в саду росли северные сорта финиковых пальм и манговых деревьев, однако на урожай фиников и манго в ближайшую осень надежды не было. Но Ольга знала, что со временем южане войдут в силу и заплодоносят так же, как и их северные соседи.

Иван Завадский проследил за взглядом Михаила, затем перевел взгляд на забравшуюся в одно из кресел Розалию. Кресло было золотистого цвета, и распластавшаяся в нем Розалия приняла абсолютно тот же оттенок. Со стороны можно было подумать, что кресло пустое, и только опытный Иван различал едва видимую границу между живым и неживым.

– Ольга вовсе не дурында! – помолчав, произнес он. – И о браке со мной ни разу не заикнулась. Просто мы с ней подходим друг другу, у нас почти идеальные отношения. Идеальные в том смысле, что никто никого не подавляет. Вот ты, Миша, закоренелый холостяк. Женщин у тебя много, а вечера проводишь один. И как тебе это? Неужели тоска не гложет?

Михаил отвернулся от окна и, прищулив один глаз, с превосходством глянул на приятеля.

– Тоска? – усмехнулся он. – С какой это стати?! Нет у меня никакой тоски. Я даже ирас-тан не принимаю – мне и так нормально! Хороший старый фильм вроде «Рассвета на Сатурне» или компьютерная игра под бутылку турассы – что еще нужно мужчине для полного счастья?! Впрочем, этого мало. Мужчине нужно дело! Ему обязательно нужно дело – для выхода энергии, реализации амбиций и просто для интереса. А женщина... Женщина пусть будет на одну ночь! Молодая, красивая, без комплексов и без желания меня присвоить. Мне так проще, понимаешь?

Завадский протянул руку к бутылке, на этикетке которой была рельефная надпись: «Секрет Венеры». Турасса готовилась из венерианских трав и относилась к крепким напиткам; ее терпкий вкус с кислинкой нравился обоим приятелям.

– Конечно, Миша, – примирительно сказал Иван. – Ладно, давай еще по одной.

Он наполнил стопки. Приятели взяли их и подняли над столом.

Два бывших астронавта, они и внешне были похожи: оба темноволосые, крепкие, плечистые, с мощной мускулатурой, с суровыми худощавыми лицами, вот только глаза были разного цвета: у Михаила – серые, у Ивана – светло-карие, да некогда пышная шевелюра Рыжкина заметно поредела, а все еще густые волосы Завадского покрылись сеточкой седины.

Чокнувшись, приятели выпили. Михаил довольно крякнул, потом вдруг взвыл и резко дернул ногой.

– Черт! Меня укусили.

Завадский выскочил из-за стола и свирепо уставился на Каната, разлегшегося в центре просторной кухни. Точнее, лежали средняя и задняя части животного, передняя же часть с четырьмя тонкими конечностями стояла вертикально. Тварь отдаленно напоминала кобру в угрожающей позе, пробуждая у несведущих людей не очень приятные ассоциации.

– Ты что себе позволяешь?! – прорычал Иван, грозя змеехвосту пальцем. Канат сверкнул неопределенного цвета глазками и, извиваясь, пополз к выходу из кухни.

Михаил болезненно поморщился.

– Слушай, Вань, по-моему, это не он. Канат все время был у меня в поле зрения. Так вот, он не двигался. Что-то налетело на мою ногу с другой стороны, куснуло ее, и умчалось прочь.

– Дай-ка я осмотрю рану!

Завадский нагнулся над лодыжкой приятеля, на которой обнаружил ровно восемь круглых отверстий – два параллельных ряда по четыре отверстия в каждом. Кожа вокруг отверстий прямо на глазах краснела и отекала.

– Это Чухендра, однозначно она! – подвел итог хозяин. – Узнаю ее редкие острые зубки.

– Вот уж не знал, что меховой шарик может кусаться, – бледнея от боли, прохрипел раненый гость.

Иван обвел глазами комнату и нашел Чухендру в углу возле двери. Существо и впрямь было похоже на меховой шар, размером с футбольный мяч. Его шерсть была настолько длинной и густой, что, когда существо было спокойным, полностью скрывала мордочку и конечности. При испуге шерсть Чухендры мгновенно твердела и вставала дыбом, позволяя увидеть

восемь маленьких гибких конечностей и смешную глазастую мордочку с носом в виде бугорка и широкой зубастой пастью. Сейчас шерсть существа стояла дыбом.

– Чухендра кусается, только когда чувствует угрозу, – задумчиво произнес Иван.

В страдающих глазах Михаила отразилось сомнение.

– И чем же, скажи на милость, я ей угрожал? Я просто положил ногу на ногу!

Иван неопределенно пожал плечами.

– Возможно, твоя поднятая нога напомнила малышке ее природного врага с Таона. Впрочем, не знаю... Инопланетная фауна не всегда предсказуема.

Нагнувшись, Михаил подул на рану, затем пощупал ногу пальцами и в упор взглянул на Ивана.

– Послушай, Ваня! Тебе не кажется, что, привезя на Землю всех этих тварей, ты совершил ошибку? Похоже, ты сам не знаешь, чего от них ожидать. Сегодня меня укусили, а завтра, возможно, попробуют съесть. Да ты и сам ни от чего не застрахован.

Достав из аптечки спрей в яркой цветной упаковке, Иван обрызгал им ногу Михаила. Отек с краснотой стали исчезать прямо на глазах.

– Да ладно тебе нагнетать! – укоризненно сказал Завадский. – Подумаешь, слегка куснули. Собаки тоже иногда кусаются, при этом никто не оспаривает их право на существование. Все животные в доме либо стопроцентные вегетарианцы, либо питаются мелкой живностью вроде наших мышей. Так что съесть тебя они точно не смогут, гарантирую. Спи спокойно, Миша!

Боль в ноге постепенно стихала. Михаил расслабленно улыбнулся.

– И кто из них питается мелкой живностью? – спросил он. – Этот что ли?

Рыжкин кивнул в сторону кресла, на спинке которого сидела крылатая тварь ярко-синего цвета размером с большую суповую тарелку. Тварь была похожа на зубастую сову, вот только вместо перьев у нее была шерсть, а крылья были не как у птицы, скорее, как у летучей мыши. Конечностей у твари было восемь. Две пары конечностей служили растяжкой для крыльев, еще две пары располагались ближе к центру туловища и заканчивались пальчиками с коготками.

– Верно, – отозвался Иван. – На Таоне Антей был мелким хищником, вроде наших сов, а здесь я его перевел на собачий корм. И так он этот корм уплетает, что только успевай подсыпать. Но имеет свои предпочтения! Он любит со вкусом трески или свинины, а со вкусом говядины ест неохотно.

Михаил опустил штанину. Боль в ранках уже утихла, к вечеру и сами ранки затянутся.

– Какой привередливый зубокрыл! – усмехнулся он. – Или крылозуб? Вот черт, забыл, как называется эта «птичка».

– «Птичка» называется зубокрыл, но, думаю, это не окончательно, – отметил Завадский. – На Таоне, как и на соседних планетах, названия всех видов предварительные, до научной систематики пока далеко.

– Почему же – далеко? – не согласился Рыжкин. – Полеты к Пси Октанта теперь регулярны, а значит, и научная систематика не за горами.

Иван вернул лечебный спрей на место и тщательно вымыл руки.

– Вот только цель полетов уже другая, отнюдь не изучение местной фауны! – с горечью произнес он.

Рыжкин понимающе усмехнулся

– Естественно! – изрек он без намека на осуждение. – Нормальные люди деньги делают! А ты на что надеешься, Ваня? Что все вдруг станут идеалистами? Не станут, ох, не станут! И мы с тобой не за «спасибо» летали, не за «спасибо» здоровье гробили. Теперь, слава богу, не бедствуем, на турассу и лекарства заработали. Впрочем, лекарства нам вряд ли помогут. Кто часто летал в дальний космос, тот долго не живет – максимум восемьдесят лет при средней продолжительности в сто двадцать. Так что готовься умереть молодым!

Внезапно возле двери раздался шум. Уползший из кухни Канат теперь пытался вернуться назад, но вход ему преграждала оцетинившаяся Чухендра. Канат отчаянно бил хвостом, но приблизиться к Чухендре не решался – ее стоящая дыбом шерсть могла легко про ткнуть кожу. Переливчатым глазом он косил на Ивана, очевидно ожидая помощи и защиты.

Чертыхнувшись, Иван схватил короткую палку с метелкой на конце и осторожно вытол кал Чухендру за дверь. Довольный Канат вновь разлегся посреди кухни.

Отложив палку, Завадский обернулся к Михаилу.

– Да ладно тебе кликушествовать! – сказал он. – Медицина идет вперед семимильными шагами. Быть может, и мы с тобой дотянем до ста двадцати...

Михаил откинулся в кресле и достал из кармана сигареты с электронным фильтром. На пачке был изображен цветок – венерианский выюн, известный своим тонизирующим эффектом. Одну сигарету Рыжкин закурил, вторую взглядом предложил Ивану, но тот отрицательно мотнул головой.

– Даже не знаю, хочу ли я прожить сто двадцать, – задумчиво произнес Рыжкин. – Не наскучит ли мне такая жизнь? Дальний космос мне больше не светит, нынешняя работа не слишком радует. Вот ты, Ваня, преподаешь в институте дальнего космоса, лекции студентам читаешь... Тебе это интересно?

Вернувшись за стол, Иван достал свои сигареты. В отличие от сигарет приятеля, они содержали запрещенный в стране табак, но некоторым категориям граждан, включая нынешних и бывших астронавтов, государство делало поблажки.

– Конечно же, интересно, – ответил он Рыжкину, но сам же счел свой ответ неубедительным и добавил с большим энтузиазмом:

– Мне это очень интересно!

Рыжкин взглянул на друга сначала удивленно, потом во взгляде появилось что-то вроде сожаления.

– Завидую, – вдохнув фильтрованный дымок венерианского выюна, произнес он. – Моя работа вроде бы не хуже твоей... Инструктор в училище астронавигации – бесспорно уважаемый человек! Но я тебе кое в чем признаюсь, Вань... Моя работа мне не слишком интересна – не мой масштаб!

– А чем бы ты хотел заняться, Миша? – озабоченно спросил Завадский.

– Пока не знаю, но чем-то более ярким, более значительным, может быть, даже запретельным! Я сейчас как раз над этим думаю.

Завадский, сделав быструю затяжку, отложил сигарету в сторону. Струйка табачного дыма потянулась вверх. Ярко-синий Антей сердито кашлянул и вылетел из комнаты.

– Что, не любишь табак? – бросил ему вслед хозяин дома, затем повернулся к гостю.

– Пожалуй, я брошу курить. Сам не знаю, для чего я это делаю. Даже Антей, и тот против, а про Ольгу я вообще молчу.

– Так ты переходи на травяные с электронным фильтром. Тут сейчас такой широкий выбор: и тонизирующие, и успокаивающие, и от давления, и от мигрени, и даже сахароснижающие. Одна сплошная польза, к тому же чистые легкие. Так что ты подумай над этим!

– Баловство это все, забава для женщин и юнцов, – отмахнулся Завадский. – Не хочу я курить травяные, уж лучше просто брошу.

– Правильно, не стоит быть как все, – неожиданно одобрил Рыжкин. – У нас с тобой особый путь. Они еще о нас узнают, мы с тобой еще такое замутим...

– Ты часом не бредишь? Да что такое мы можем замутить? – озадаченно спросил Иван и получил в ответ самую загадочную из всех загадочных улыбок Рыжкина.

Насладившись эффектом, Михаил произнес:

– Ты обо всем узнаешь в свое время. Потерпи, осталось недолго. А сейчас давай еще выпьем!

Глава четвертая

Было непонятно, почему он здесь совсем один. Ведь когда-то у него была большая семья: несколько десятков взрослых и множество малышей. Он и сам тогда был малышом: сидел за спиной у взрослого и слушал его бесконечные рассказы о жизни берлунов и богов.

Вставало и садилось белое солнце, его сменяли две серебристые луны, потом вновь вставало солнце, и так бессчетное множество раз. Розовели залитые утренним солнцем серые скалы, а в свете лун они приобретали нежный серебристый оттенок. Где-то далеко, в туманной дымке, блистали заснеженные вершины.

Огромное каменистое плато, по которому бродили малыш и взрослый, излучало приятное тепло. Поверхность плато испещряли многочисленные трещины, в которых струились быстрые прохладные ручьи и небольшие речушки. Иногда взрослый останавливался возле речушки, наклонял верхнюю часть туловища вниз, запускал все четыре свободные лапы в воду и доставал оттуда разных трепыхающихся существ, которых отправлял прямо в рот. Для малыша он тоже доставал пищу из речушки, но то были какие-то мелкие копошащиеся червячки, удивительно сочные и вкусные. Насытившись, они опять бродили по окруженному скалами плато, и малыш снова слушал удивительные рассказы взрослого.

О том, что скрывалось за теми скалами, он поначалу не задумывался. Но как-то раз решился спросить об этом у взрослого и услышал довольно странный ответ:

– Многие берлуны считают, что за скалами кончается земля, но ты не верь этому, малыш. Земля никогда не кончается.

– А почему она не кончается? – блестя большими и наивными глазами, спросил малыш.

– Да потому, – взрослый почесал гибкой лапой шерстистый затылок, – что если идти все время прямо, никуда-никуда не сворачивая, придешь в ту же самую точку, откуда ты вышел.

Переливавшиеся разными цветами глаза малыша восторженно загорелись.

– А ты уже ходил все время прямо?

– Сейчас это невозможно, – с печалью ответил взрослый. – Кругом высокие горы и глубокие ущелья, через них не пройти. Но давным-давно, когда здесь еще не выросли скалы, встречались берлуны, которые ходили.

От удивления малыш поднял лапы, цеплявшиеся за шерсть взрослого, и чуть не свалился с его спины. Мгновенно подхватив его лапой с длинными цепкими пальцами, взрослый вернул малыша на место.

– Неужели скалы были здесь не всегда? – растерянно пролепетал малыш.

– Нет, как и мы с тобой, мы ведь тоже были не всегда, – басовито проорчал взрослый.

О том, что сам он был не всегда, малыш уже знал от взрослого, но чтобы скалы были не всегда... Как удивителен этот мир! И как хорошо, что рядом с ним есть взрослый, который знает абсолютно все!

– А что же было тогда, когда не было скал?

Взрослый замолчал, словно что-то припоминая. Малыш терпеливо ждал. Когда он уже перестал ждать ответа, взрослый вдруг заговорил.

– Я это слышал от старого берлуна, который был очень-очень умным. Он даже мог понимать те старые священные дощечки, что хранятся почти в каждой пещере. Помнишь, я тебе их показывал?

– Я помню, – радостно отозвался малыш. – На них еще были какие-то странные черточки. Но что они означают, никто не знает.

– Тот старый берлун был последним, кто умел их читать (теперь в урчащем голосе взрослого слышалось сожаление). Он пытался учить меня чтению, но я был слишком юным, слыш-

ком глупым и ленивым. А потом он умер, и не осталось никого, кто смог бы прочитать те дощечки. Но о том, что здесь было прежде, он кое-что успел мне рассказать.

Крепко прижавшись к спине взрослого, любопытный малыш проурчал ему прямо в ухо:

– И что, что здесь было?

Взрослый приподнял ухо и шутливо шлепнул им малыша по лицу. Малыш недовольно заурчал. Утешительно погладив его лапой, взрослый продолжил.

– Тут кругом была ровная земля и на ней росли большие деревья.

Ответ малышу ничего не прояснил. Напротив, ему стало совсем непонятно.

– А что такое большие деревья? – пискнул он.

Взрослый задумчиво почесал спину одной из четырех передних лап.

– Ну, как тебе объяснить... Видишь вон тот маленький кустик с сине-зелеными листочками? А теперь представь, что он стал огромным.

– Огромным, как ты?

– Нет! – весело проурчал взрослый. – Я не огромный, а просто большой. Деревья были гораздо больше меня.

– И куда же делись все деревья? – растерянно спросил малыш.

Взрослый печально вздохнул.

– Когда внезапно выросли скалы, все деревья очень быстро умерли. Многие берлуны тогда тоже умерли, но не все. Те, кто выжили, стали нашими предками.

Малыш замолчал, переваривая информацию. Не верить взрослому он не мог, но то, что тот говорил, было слишком уж странным.

– Но если здесь не было скал, то где жили прежние берлуны? – снова подал голос малыш.

– Прежние берлуны были большими умельцами, они сами строили пещеры, в которых жили, – пояснил взрослый.

– А из чего они их строили?

– Из высоких и крепких стволов деревьев. У тех берлунов были разные штуки из камня, которые могли пилить, рубить и многое другое. Еще те штуки помогали охотиться.

– А что значит охотиться? – не отставал малыш.

– Это значит поймать что-то живое, чтобы потом его съесть.

– Но зачем, ведь еду можно просто достать из воды?

– Это сейчас ее можно достать лапами из воды, но когда-то давно воды было мало. Еды тогда тоже было мало, и за ней приходилось далеко ходить.

Этого малыш, как ни силился, понять не мог, и потому замолчал. Не дождавсь новых вопросов, взрослый вернулся к рассказу о берлунах и богах.

В его рассказах берлуны сражались с богами, но никогда не побеждали богов.

То, что он – берлун, малыш понял довольно рано, но вот кто такие боги, он представлял весьма смутно. По словам взрослого, они были огромны и могли летать по небу. Боги жили в невероятно глубоких расщелинах, куда не смог бы спуститься ни один берлун. Там, в глубине, они занимались странными делами. Они зачем-то нагревали землю изнутри, и из расщелин кое-где поднимался горячий пар, а в глубине пещер находились озера с горячей водой. Еще боги очень любили играть в догонялки, подобно маленьким веселым берлунам. Но боги были огромны, и потому от топота их ног стены пещеры мелко дрожали.

Пока среди богов царил мир, наверху все было спокойно. Но иногда, пусть и крайне редко, боги ссорились. И тогда случались Жертвенные дни, когда разгневанные боги вырывались из своих расщелин. Одни из них начинали яростно трясти скалы, другие взлетали в небо и поджигали его.

Тогда все берлуны покидали ставшие смертельно опасными пещеры и выбирались на плато, где собирались небольшими группками. Но и здесь им грозила страшная опасность –

по плато били огненные стрелы, поражая целые группы берлунов. Со слов взрослого, те берлуны предназначались в жертву богам, и помочь им было уже невозможно.

Когда же все, наконец, стихало, выжившие берлуны хоронили мертвых в расщелинах и возвращались в уцелевшие пещеры. Тех же, у кого пещера была разрушенной, радушно принимали их ближайшие соседи, чья пещера по воле богов уцелела. А дальше все жили спокойно до следующего Жертвенного дня, который мог наступить через много-много лет.

О Жертвенных днях слагались легенды, и взрослые берлуны охотно рассказывали их малышам, не очень-то верившим, что все это было взаправду.

Малыш тоже не верил, что это может случиться. Мир, в котором он жил до сих пор, был так спокоен и безмятежен, что, казалось, так будет всегда. В этом мире было вдоволь еды и воды. Родная пещера была уютной и такой просторной, что вместила бы в три раза больше берлунов. Он всегда имел товарищей для игр и мудрого наставника, а о чем-то большем даже не мечтал.

Жизнь обитателей пещер была простой и понятной, и такая жизнь устраивала всех. Где-то в глубине пещер пылились древние дощечки, и знаки на них уже много лет никто не мог прочесть. А рядом с теми дощечками валялись разные штуки из камня, которыми давным-давно никто не пользовался.

Но однажды он все же настал – Жертвенный день. Ранним утром в родной пещере раздался грохот и страшно содрогнулись стены. И не было в том содрогании ничего общего с обычной мелкой дрожью стен, к которой берлуны давно привыкли.

Взрослые мгновенно вскочили с лежанок. Молодые берлуны растерянно метались по пещере, но старые прикрикнули на них и велели всем бежать к выходу на плато. Подхватив свободными лапами самых маленьких из детенышей, берлуны ринулись наружу. Детеныши, что были постарше, бежали сами, и малыш был среди них. Рядом держались взрослые, озираясь вокруг и торопя отстающих.

Малыш сначала мчался вместе со всеми, но вскоре, запыхавшись, отстал. Перед ним вдруг разверзлась глубокая трещина, отделившая его от собратьев. Он закричал, но его никто не услышал, потому что все вокруг грохотало.

Грохотали окрестные скалы, грохотало извергавшее огонь темное небо. Огненные стрелы били по плато, оставляя на камне следы в виде клякс. Вспыхнувшая слева стрела попала в группу берлунов, и малыш согнулся от внезапной боли. Группа была чужой, он никого в ней не знал, но сейчас это было неважно – боль каждого берлуна воспринималась, как собственная боль.

Новая трещина возникла совсем рядом с малышом, окончательно отделив его от других. Дальше бежать было некуда. Участок плато, на котором стоял малыш, внезапно накренился и начал медленно куда-то сползать. Малыш всеми восемью конечностями цеплялся за скользкий холодный камень, и его пальцы с присосками, длинные на передних конечностях и короткие на задних, дрожали от напряжения. Его вместе с камнем влекло в глубокую расщелину, раскрывшуюся несколько секунд назад. Из расщелины поднимался горячий пар, а на самом ее дне клокотало что-то вязкое. И надежды на спасение не было, оставалось только кричать и цепляться за голый камень.

Но тут кто-то сильный подхватил его сверху и быстро втянул в летающую пещеру. Да-да, та пещера летала по воздуху, что было, понятное дело, чудом. Внутри нее было жарко и тесно, и не было ни одного берлуна – лишь странные прямоходящие существа с голыми лицами и чуждым запахом. Одно из существ прижало его к себе и стало поглаживать по голове, но малыш лишь дрожал и поскуливал от страха. В пещере были круглые отверстия, он видел в них сверкающие молнии и проносящиеся мимо скалы. За стенами пещеры грохотал гром, а сама пещера лишь тихо урчала.

Потом гром прекратился, и молнии сверкать перестали, а в круглых отверстиях он больше не видел скал – в них было только небо, бесконечное прозрачно-голубое небо с белыми перьями облаков.

Прошло не так уж много времени, и пейзаж в отверстиях вновь изменился. Небо осталось только сверху, а снизу... Тогда он не сразу понял, что это было – множество странных ветвистых силуэтов с темным центральным стволом и сине-зеленой шапкой наверху. Там, где жил малыш с момента своего рождения, он ничего подобного не видел. Но он вспомнил рассказы взрослого и подумал, что это, возможно, деревья – те самые большие деревья, из которых его далекие предки строили пещеры.

Летающая пещера тихонько вздрогнула и перестала урчать. В тот же миг в ней открылось новое отверстие, гораздо больше остальных. Не спуская с рук малыша, гололицый вышел наружу. И малыш внезапно понял, что попал в неведомую сказочную страну. Тут было очень тепло и влажно, и росло много-много больших деревьев, а земля под ногами гололицего была покрыта чем-то странным, колышущимся, сине-зеленым.

Но куда же делись родные серые скалы? Привычных скал нигде не было, лишь одна высокая и узкая скала возвышалась прямо перед ним. Она была темной, ровной и гладкой, а ее вершина, казалось, пронзала небо. Гололицый вместе с ним вошел в скалу, и малыш зажмурился от страха.

Потом он все же открыл глаза и понял, что его куда-то несут. Вокруг было много гололицих существ, издававших отрывистые неприятные звуки. «Быть может, это боги, – подумал малыш, – те самые, что подожгли небо и растрясали скалы?» Правда, он представлял их совсем другими. Ему говорили, что боги огромны, а эти чуть больше самих берлунов. Зато они, как боги, могли летать и жили в огромной темной скале. Значит, все-таки боги...

Одни «боги» просто пялились на него своими маленькими глазками, другие подходили совсем близко и трогали малыша. Свернувшись клубком, он отчаянно урчал, умоляя его отпустить, но никто не обращал на это внимания. Тогда он понял, что умолять «богов» бесполезно, и замолчал. С тех пор малыш не издал ни звука.

Тянулись долгие дни в огромной и странной пещере, в которой он даже не мог свободно гулять. Малыш был заперт в малюсенькой пещерке с прозрачными, как воздух, стенами.

Рядом с его пещеркой были другие пещерки, в которых сидели разные диковинные твари. Малыш поначалу их боялся, потом привык – ведь они, как и он, были заперты. Твари верещали на разные лады, но малыш их не понимал. Постепенно все они успокоились, видно, стали привыкать к неволе. В конце концов, им здесь никто не угрожал, а еды и воды у каждого было вдоволь.

Дважды в день к ним приходил гололицый «бог», раскладывал по пещеркам пищу, при этом что-то бормотал на своем непонятном языке. «Бог» был добрым, по крайней мере, малышу так казалось. И имя у него было певучее – Иуаниа. Другие гололицы «боги» были не то чтобы злы, скорее, равнодушны к судьбе малыша и прочих узников прозрачных пещерок. Большинство проходило мимо, даже не глядя на них, но были и те, что разглядывали узников, как забавных уродцев, при этом их мягкие рты плотоядно растягивались и сверкали белыми зубами.

От безысходности малыш беззвучно плакал, а «боги» только сильнее растягивали свои рты, при этом издавали кашляющие звуки. Один из гололицых «богов» делал это чаще других. Малыш даже запомнил его имя – недоброго «бога» звали Миисшиа.

Но однажды и это закончилось. Малыша и его странноватых соседей вместе с их прозрачными пещерками вынесли наружу. Он испуганно озирался вокруг. Темная скала стояла рядом и, как и прежде, пронзала небо. В отдалении виднелось множество похожих темных скал, а поблизости было несколько странных предметов, которые двигались. Их погрузили внутрь

ближайшего предмета, и тот внезапно хищно заурчал, а вскоре стал раскачиваться и подрагивать. Все это было настолько страшно, что бедный малыш обмочился.

Потом они все куда-то летели, но это длилось недолго. В тот же день они прибыли сюда – в довольно странное место, где была лишь одна небольшая скала и множество ярко-зеленых деревьев вокруг.

Однажды малыш уже видел деревья, но те деревья были другими – намного выше и с сине-зеленого цвета шапкой. Здесь же повсюду был главным зеленый цвет: деревья были сочно-зелеными, земля была мягкой и тоже зеленой, и все это пахло чем-то свежим и пряным. Гололицый Иуания суетился вокруг, о чем-то беседуя с тремя незнакомыми «богами». Потом незнакомые «боги» стали строить прозрачную пещеру, и это было явно не к добру.

Построили они ее ужасно быстро. Соседей малыша, тех, что были поменьше, куда-то унесли, а его и еще троих заперли в построенной пещере. У малыша в ней оказался личный отсек, и его стены, столь прозрачные снаружи, внутри отсека оказались непрозрачными. Соседей он больше не видел, но слышал издаваемые ими звуки, к которым, впрочем, давно привык.

Новое жилье ему поначалу нравилось: оно было просторным и чистым, а вдалеке он видел родные серые скалы. Но скалы оказались обманкой – к ним было невозможно приблизиться, при каждой попытке малыш упирался в стену. Но он все равно пытался добраться до скал, пока однажды картинка не изменилась. Теперь его со всех сторон окружали деревья, которые его совсем не привлекали. Со временем он просто перестал их замечать.

И потянулись тоскливые дни, до боли похожие друг на друга. Дважды в день малыша навещал кто-нибудь из «богов». Сначала это был только Иуания, потом появился другой, помельче, которого звали Уолия. Иуания и Уолия пытались с ним разговаривать, при этом они обращались к нему странным словом «Тцчерныш». Малышу это слово не нравилось, Иуания с Уолией ему тоже не нравились, хотя он чувствовал, что эти двое не желают ему зла.

Но однажды он вновь встретил Миисшиу. Тот пришел к нему вместе с Иуанией и, как и прежде, стал глумиться над ним. Он, смеясь, называл малыша «мохнатым уродцем», «пушистой многоножкой», и малыш, уже ставший частично понимать язык «богов», внезапно осознал, насколько на их взгляд он нелеп и некрасив. С тех пор он окончательно замкнулся, не реагируя ни на какие уговоры «богов», когда же ему приносили еду, он забивался в дальний угол пещеры.

К счастью, «боги» приходили ненадолго, и малыш почти все время был один. Правда, был еще кто-то, кто был не против с ним пообщаться. Этот кто-то проникал к нему в голову и оттуда пытался с ним разговаривать. Малыш подобные попытки сразу отвергал, поскольку это было не по правилам. Нельзя разговаривать с невидимками – проникнув в голову, они стремятся там поселиться! Так когда-то говорил взрослый берлун, возя малыша на своей шерстистой спине, а взрослый берлун ошибаться не мог.

Но взрослого рядом не было, бывших товарищей по играм тоже не было, и малыш постоянно грустил. Никто не мог ответить на терзавшие его вопросы. Например, для чего он здесь? Чего хотят от него гололицые «боги», и почему не вернут его домой? И, главное, что стало с другими берлунами – неужели их всех забрали «боги»? Если же «боги» забрали всех, то почему не поместили их вместе – взрослых берлунов и малышей? Неужели «богам» по нраву то, что он постоянно грустит? А может, «боги» еще одумаются, вернут его на плато между серых скал, и тогда он вновь увидит своих?

Глава пятая

Год спустя...

Это был обычный выходной день. Ольга с утра укатила в город, что случилось почти каждую субботу. Чем она занималась в городе, Иван не знал и не стремился узнать. У женщин свои секреты, а Ольга, хоть и умная, все ж таки женщина. Он был уверен в одном – до измены она не опустится. Не такой она человек!

Возможно, она делает покупки, или сидит в салоне красоты, или встречается с подругой детства... Должны же у нее быть подруги! Порой, она кому-то звонит, с кем-то о чем-то договаривается... Звонит всегда открыто, не скрываясь от Ивана. Мелькают имена: Лена, Кристина, Татьяна... Вот только в дом она подруг не приглашает, хотя Завадский совсем не против. Он даже предлагал позвать подруг на Ольгин день рождения, но она, как всегда, отшутилась.

В их общий дом она подруг не зовет, а в городе с ними охотно встречается. Вывод напрашивается сам собой – не желает знакомить девчонок с Завадским! Может быть, стесняется Ивана – мол, старый уже, к тому же – ретроград. А может, напротив, боится, что уведут...

Что ж, пусть развлекается в городе. У каждого есть право на личную жизнь! У нее свои развлечения, у него – свои. Хотя какие у него теперь развлечения?! Он уже не тот, что прежде, и развлекаться не очень-то хочется...

Часов в одиннадцать к нему приехал Михаил. Приятель был весел и взбудоражен, он оживленно размахивал руками и что-то напевал себе под нос. Какую-то знакомую песенку, Иван ее, определенно, где-то слышал. Кажется, в каком-то старом фильме...

Вспомнил! Это из «Рассвета на Сатурне». Тот самый момент, когда Дэвид влюбляется в Лайю, еще не зная, кто она такая. Тогда-то и звучит эта песня – песня нежности, надежды и отчаяния. Уже почти в финале фильма Дэвид понимает, что Лайя – не сотрудница земных спецслужб, а ушлая шпионка из другой галактики. Он сам сдает ее космической полиции (кстати, в той сцене звучит другая песня, ничем не хуже той, что напевает Михаил). Лайю, конечно, арестовывают и предают суду. Земляне, как всегда, побеждают, но... Любовь не признает жестокой правды. Она по-прежнему живет в сердце Давида и Лайи. Такой вот трогательный финал!

Хороший фильм, хорошая песня... Но Михаил поет ее неправильно. Слишком бодро, без малейшего намека на печаль, а тут нужно иначе – с чувством, с легким надрывом.

Завадский с легкой завистью смотрел на приятеля. Вот Рыжкин не утратил вкус к развлечениям даже после того, что с ними случилось. Скорее, напротив – он стал активней и задиристей, готов хоть сейчас ринуться в бой. Видно, в нем всегда это было, просто раньше не бросалось в глаза. Впрочем, они оба изменились, но изменились по-разному. Их прежняя жизнь закончилась, и Михаил уже готов строить новую. А к чему готов Иван Завадский?

Проводив приятеля на кухню и вручив ему бутылку светлого пива (к более крепкой турассе они перейдут позднее), Иван отправился растапливать баню. Первым делом заглянул на дровяной склад, примыкавший к одной из стен бани. Склад был почти пуст, но оставшихся дров должно хватить на растопку. Как только дрова закончатся, он подключит специальную технику. Хватит ей пылиться без дела!

Он забрал со склада все дрова и привычно растопил ими печь. Затем позвал из кухни приятеля, успевшего уже допить свою бутылку, продолжить застолье в предбаннике.

Баня была их особым субботним ритуалом. В отсутствии Ольги, предпочитавшей по субботам развлекаться в городе, они могли нагишом выбегать из парилки и шумно плескаться в прохладной речной воде. Им обоим это нравилось. По мнению Ивана, купание в реке укреп-

ляло дух и навевало высокие мысли. Михаил же, купаясь в свое удовольствие, обходился без теоретической базы.

Баня располагалась метрах в ста от дома, в небольшом строении из экзодревесины, которую добывали в искусственно выращенных марсианских лесах.

Марсианские леса были созданы после введения запрета на любую (кроме санитарной) вырубку земных лесов. Генные инженеры на Земле вывели специальные древесные породы, устойчивые к резким колебаниям температуры и сильно разреженной углекислой атмосфере Марса. Проблему полива решили простым подогревом почвы, поскольку льда под поверхностью Марса всегда было достаточно, его нужно было только растопить.

Леса разрослись и теперь широко использовались для строительства коттеджей, производства мебели, топки каминов и печей. Увы, марсианская древесина была недешевым товаром, который не каждый мог себе позволить.

Баня была стилизована под русскую избу первой половины двадцатого века с низким крыльцом и одним высоким окном в предбаннике. Ее цвет имитировал природную окраску земной древесины, для чего почти белые марсианские бревна были обработаны специальными красителями.

В просторном предбаннике пахло древесными смолами. По периметру предбанника тянулись отшлифованные до идеальной гладкости деревянные скамьи, к одной из скамей был придвинут продолговатый деревянный стол. В правом углу предбанника располагалась каменная печь, отапливаемая все той же марсианской древесиной. За предбанником шла помывочная с тазами, лавочками и двумя современными душевыми кабинами; еще там была купель с холодной водой, но летом Иван с Михаилом купелью не пользовались. Из помывочной друзья попадали в парную, полностью обшитую все той же экзодревесиной, с тремя гладкими деревянными полками.

Русская баня из природных материалов обошлась Завадскому в немалую сумму. Бывший астронавт, налетавший немало галактических часов в дальнем космосе, мог позволить себе многое – и просторный кирпичный коттедж с настоящим камином, и бревенчатую баню, и дровяную печь для этой бани.

На всякий случай (такой, как усталость, лень или отсутствие дров), баня была оборудована суперсовременным нагревателем, работавшим на позитронной батарее. Дорогая техника, в основном, пылилась в бездействии, но сегодня ей придется поработать. Все дрова Иван уже сжег, и скоро печка начнет остывать. Нагреватель с позитронной батареей легко решит эту проблему.

Песчаная дорожка вела от бани прямо к реке, где была устроена купальня. Она представляла собой гладкий деревянный настил метра три в ширину, с которого можно было спуститься в воду по ступенькам, как это обычно делала Ольга, а можно было разбежаться и нырнуть, что очень нравилось Завадскому и Рыжкину.

Было около часу дня, когда из бани выбежал распаренный Михаил и, сбросив на ходу махровое полотенце, рванул к купальне. Он с разбегу нырнул в прохладную воду, быстрыми саженками несколько раз проплыл до противоположного берега и обратно, затем, отряхиваясь, попрыгал по берегу и вновь вернулся в баню.

Не успела дверь бани закрыться за Михаилом, как тут же вновь открылась. На этот раз из бани выбежал мокрый от пота Иван вообще без полотенца и тоже рванул к реке. Так же, как до него Михаил, он с разбегу нырнул в воду, проплыл до другого берега, затем повернул назад...

И тут раздался взрыв.

Мощная вспышка на несколько секунд затмила яркое летнее солнце, Иван едва успел прищурить глаза. И сразу же последовал оглушительно-громкий хлопок.

Оглушенный и частично ослепленный Иван успел увидеть, как деревянное строение бани дрогнуло, какое-то мгновение сохраняя общие очертания, затем словно распалось на зависшие в воздухе мелкие фрагменты, после чего резко осело и превратилось в пыль. Ударная волна была похожа на жесткий шквал горячего ветра. Она пронеслась над речной гладью, высушив влажные волосы и опалив лицо мгновенно зажмурившегося Ивана, и вызвала на воде крупные волны.

Когда Завадский рискнул открыть глаза, на месте бани был участок выжженной земли, покрытой мелкой серой пылью. Иван, не отрываясь, смотрел туда, где только что стояла баня. Затем из его груди вырвался протяжный стон. Он пулей выскочил из воды и заметался по берегу. Подбежал к месту взрыва, но, не обнаружив там ничего, кроме нескольких оплавленных кусков металла, потрескавшихся камней из парилки и покрывавшей все мелкой серой пыли, направился к дому.

В гостиной он схватил валявшийся в кресле видон и с силой нажал на кнопку. Зависшая в воздухе голографическая девушка приятной азиатской внешности кокетливо улыбнулась:

– Добрый день! Чем я могу вам помочь? – нежно проворковала она.

– Срочно свяжи меня с полицией! – проигнорировав улыбку и приветствие, потребовал Иван.

– Одну минуту, – нисколько не обидевшись, ответила девушка.

Девушка была всего лишь компьютерной программой, не умевшей ни обижаться, ни сочувствовать. Неизменно вежливая и улыбчивая, она по прихоти владельца видона легко меняла внешность и пол. Ее чрезвычайная услужливость могла раздражать лишь самых придирчивых клиентов, предпочитавших натуральность во всем, даже в общении с компьютером. Впрочем, для особо взыскательной публики в арсенале компании связи имелись специальные программы (они, понятно, стоили дороже), в которых девушки (или юноши) умели обижаться и шутить, и даже вставить крепкое словцо.

Голограмма компьютерной девушки исчезла, и вместо нее возникла голограмма вполне реального полицейского – немолодого, грузного, усталого, с болезненными отеками под глазами.

В начале двадцать третьего века медицина, безусловно, шагнула вперед, но не так далеко, как надеялись предки Ивана два века назад. Человеческие болезни проявили удивительную живучесть. Даже у генетически улучшенных особей они возникали с обидной частотой, чего уж говорить об остальных, чьи родители по финансовым или другим соображениям отказались от вмешательства в геном их детей. Не успевали медики искоренить одну опасную болезнь, к примеру, тот же рак, как сталкивались с другой, ничуть не менее опасной.

У полицейского явно была запущенная болезнь почек. Вероятно, то был «красный нефроз», случаи которого в последние годы заметно участились. Не то чтобы красный нефроз был вовсе неизлечим, да только лечение многим казалось слишком уж радикальным. И хотя телевидение всю рекламу рекламировало этот метод: мол, и эффективен он на все сто процентов, и абсолютно безопасен, и искусственную почку менять не чаще, чем раз в десять лет, но народ не спешил ложиться под нож, многие предпочитали тянуть до последнего. Похоже, полицейский был из тех, кто под нож не спешил.

– Добрый день. С вами говорит старший лейтенант Борис Беркутов. Что у вас случилось? – скороговоркой пробубнил полицейский.

Потом, приглядевшись к Ивану, он озадаченно поднял бровь и спросил:

– А почему вы голый?

Опустив глаза, Иван стыдливо пробормотал: «О господи!», быстро достал из шкафа зеленый спортивный костюм и натянул на себя.

– Извините, я только что из бани, не успел, так сказать, одеться...

– Ясно. Представьтесь, пожалуйста.

– Меня зовут Иван. Иван Завадский.

– И что же такое случилось, Иван, что вы даже забыли одеться? – спокойным тоном продолжил Беркутов.

Несмотря на отечность лица, он производил благоприятное впечатление. Спокойный манеры, умный внимательный взгляд с едва заметной примесью цинизма... Сразу было видно – в своем деле это крепкий профессионал!

– У меня только что погиб друг, Рыжкин Михаил, – дрогнувшим голосом произнес Завадский. – Он... Он...

Полицейский терпеливо ждал. В его лице не дрогнул ни один мускул.

Иван перевел дыхание и продолжил.

– Понимаете, там был взрыв, ужасный взрыв. Михаил никак не мог выжить.

Иван сделал шаг навстречу полицейскому, и голограмма Беркутова отступила назад. Все было просто. В рабочем кабинете, где сейчас был Борис, находилась очень реальная голограмма Ивана Завадского. Образ Ивана был настолько реален, что казалось, сделай он еще шаг вперед, и они с полицейским столкнутся лбами.

– Друг, говорите, погиб?.. Взрыв, говорите, был?.. – все еще спокойным голосом переспросил Беркутов.

Внезапно лицо полицейского напряглось, а глаза пытливо уставились на Завадского.

Человек погиб при взрыве, и с этим нужно как можно скорее разобраться. Хотелось бы верить, что это несчастный случай, но кто знает... А вдруг это все-таки убийство – наиболее тяжкое и редко встречающееся преступление, требующее от полиции немедленных и решительных действий? От подобных действий сам Борис и его коллеги по службе давно отвыкли. Впрочем, оставалась надежда, что это все же несчастный случай или хотя бы самоубийство.

Завадский выдержал взгляд полицейского, лишь его опаленные брови страдальческим домиком сошлись у переносицы.

– Да, здесь случился взрыв, очень странный взрыв. Выжить было просто невозможно. От бани почти ничего не осталось.

– Что, вы говорите, у вас взорвалось? – озадаченно спросил Беркутов.

Завадский выглядел растерянным. Переминаясь с ноги на ногу, он то беспомощно смотрел на полицейского, то, опустив взгляд, разглядывал свои босые ноги. Его лицо с опаленными бровями было почти багрового цвета.

– А разве я не сказал? – прохрипел он. – Взорвалась баня.

– Баня?! – в голосе оперативника звучало удивление. – Вы в ней что, взрывчатку хранили? А взрывчатку, позвольте узнать, купили или сами изготовили? В первом случае – статья пятьсот двадцать два прим, до десяти лет дальних колоний-поселений. Во втором – статья пятьсот двадцать три прим, срок наказания увеличивается до пятнадцати лет.

Иван побледнел и приложил руку к груди. Пробормотав: «Извините, что-то мне нехорошо...», он рухнул в ближайшее кресло. Беркутов понимающе кивнул головой. Его лицо казалось участливым, но глаза продолжали изучающе сверлить Ивана.

Сделав несколько глубоких вдохов, Завадский поднял голову.

– Ничего подобного не было. Не хранил я в бане взрывчатку и уж тем более не изготавливал ее сам.

Одутловатое лицо Беркутова расплылось в скептической улыбке.

– Вы хотите сказать, что взрывчатку вам в баню подбросили? И кто же мог это сделать?

Иван тихо застонал.

– Вы просто не понимаете. Это не была обычная взрывчатка. Поверьте, я как бывший астронавт, не раз летавший в дальний космос, прекрасно в этом разбираюсь. Я со своей командой был в разных передрягах, где без оружия и взрывчатых веществ нам было просто не выжить. И то, что случилось с баней, совсем не похоже на обычный взрыв.

– А на что же это похоже?

Завадский покачал головой, затем внезапно застыл, о чем-то думая. Когда он вновь взглянул на полицейского, в его взгляде уже не было растерянности.

– Я вот сейчас подумал... Это, конечно, всего лишь версия, но другого объяснения просто нет. Сам взрыв был очень похож на аннигиляцию. Надеюсь, вам не нужно объяснять, что это такое? Я все же напомним – это когда вещество соприкасается с антивеществом. А в бане был нагреватель – такой, знаете, суперсовременный, на позитронной батарее. И если вдруг из батареи произошла утечка позитронов, то все дальнейшее становится понятным.

Борис Беркутов задумался. В физике он разбирался плохо, но версия Завадского ему не понравилась. Как и любой гражданин, он знал, что позитронные батареи обладают высшей степенью защиты (высшей!), и просто так вызвать взрыв никак не могут.

В последние годы позитронные батареи стремительно завоевывали рынок. Долговечность их работы поражала. Они были последним, что в снабженном ими приборе могло выйти из строя. Об абсолютной безопасности «позитронок» реклама твердила с утра до вечера.

У «позитронок» было только два недостатка – довольно крупные размеры, не позволявшие использовать их для мелкой техники, и... почти фантастическая стоимость. В народе их называли «батареями для богатых», но производители божились, что скоро техника на позитронных батареях станет доступной всем и каждому.

Борис Беркутов пока еще не был счастливым обладателем хотя бы одного устройства на позитронной батарее. Наличие подобного прибора у Ивана Завадского его почему-то слегка расстроило. Не сказать, чтобы он завидовал... Хотя зачем себя обманывать? Легкая зависть была, и это стоило признать. Как говорил ему когда-то отец, в признании проблемы сила, а не слабость.

Борис Беркутов, живший от зарплаты до зарплаты в небольшой квартире, имевший неработающую жену и дочь-студентку, запросы которой с каждым годом раза в два превышали прошлогодние, искренне завидовал подозреваемому, который мог легко себе позволить дорогущий нагреватель для бани. Но, даже завидуя, Борис оставался профессионалом.

Пару минут он обдумывал версию Завадского, машинально почесывая поредевшую макушку, затем строго произнес.

– Оставайтесь на месте и ничего нигде не трогайте. Мы с напарницей прямо сейчас выезжаем к вам.

Голограмма полицейского исчезла. Завадский остался один в просторной гостиной. Закрыв лицо руками, он сидел в кресле и старался ни о чем не думать. И даже сам не сразу заметил, что уже минут десять выдувает из легких какой-то печальный звук. Ту самую мелодию из «Рассвета на Сатупне», которую с утра напевал Михаил.

Глава шестая

Сегодня в нашем доме все изменилось. А началось с того, что за окном внезапно что-то полыхнуло и тут же очень сильно загремело. Затем в дом ворвался взволнованный папа совсем без одежды и с опаленными бровями и сразу же схватился за видон.

Если кто-то еще не в курсе, то видон – это такая штука для разговоров с людьми, которых на самом деле в доме нет. Насчет того, что их нет в доме, я не так уж уверен. Они же внезапно возникают среди комнаты, произносят разные слова, ходят взад-вперед, жестикулируют, вот только дотронуться до них никак нельзя. Я как-то пытался дотронуться до папиного собеседника и потрогал... пустоту. И долго после этого был в шоке – ну как такое возможно, а? Теперь-то, конечно, привык...

Нажал папа кнопку на видоне, и в комнате возникла красивая девушка. С девушкой было что-то не так, и я, кажется, понял что. То, что девушка на самом деле пустота – это понятно, но и пустота, поверьте, бывает разная.

В людях, что приходят к нам через видон, я всегда улавливаю чувства – они радуются, злятся, боятся, сочувствуют, негодуют. В девушке, возникшей в нашей комнате, абсолютно никаких чувств не было. Только красивая внешность и мелодичный голос. Я мысленно назвал ее «пустышкой». С нею папа говорил резко и недолго. И правильно, о чем с пустышкой-то разговаривать?!

После девушки возник несимпатичный дядька, грузный и с отечным лицом. Дядька не был пустышкой, он излучал недовольство и напряженность. И ему как-то сразу не понравился папа. Я не стал бы тому дядьке ничего рассказывать, но разве ж папа меня услышит?! Он сразу выложил грузному дядьке все, что случилось.

А сказал он дядьке следующее: «У меня только что погиб друг, Рыжкин Михаил».

Погиб – это значит ушел навсегда, и в нашем доме уже точно не появится. «Погиб» почти то же, что и «умер», но разница все же есть. Умирают от болезней и от старости, то есть сами, естественной смертью. Погибают же всегда неожиданно и порою при неясных обстоятельствах.

Откуда я все это знаю? Конечно же, из телика! В нем столько всякой интересной информации, что можно очень быстро поумнеть. И я, поверьте, умнею довольно быстро.

Итак, дядя Миша погиб, и больше я его не увижу. Он больше не будет заявляться к нам, словно к себе домой, не будет «уговаривать» с папой бутылку, не будет подкатывать к тете Оле...

Да-да, я сам это видел! Когда папы не было рядом, дядя Миша похлопывал ее по задней части, а тетя Оля злилась и грозилась рассказать все папе (грозиться-то грозились, но так ни разу и не рассказала!).

Он больше не будет смотреть на меня с раздражением и брезгливостью, словно я недостойн здесь находиться! В итоге, жизнь в доме станет проще и приятнее. Вот только папа почему-то расстроен... И напрасно. Чего горевать-то?!

Поговорил папа с дядькой и затих в кресле, и думы у него были самыми мрачными. Я пытался мысленно его подбодрить, но он меня, как всегда, не слышал. Мне оставалось только ждать, когда все вернется в привычное русло. Но зря я надеялся, что это случится быстро. Все еще только начиналось!

В комнату тем временем пожаловали питомцы (те, что постоянно находятся в доме), и давай крутиться вокруг папы. Ему, понятное дело, не до них. Он шуганул их крепким словом, чтоб отстали. Они отстали, но комнату не покинули, забились по углам, сразу и не разглядишь. И чего они тут забыли? Не понимают ведь ни черта, а слово «погиб» для них просто пустой звук. Разве что чувствуют, что папа сильно расстроен...

Питомцы! Одно это слово вгоняет меня в депрессию. Возможно, мне не стоило спешить взрослеть. Взрослея, узнаешь порой такое, о чем ты предпочел бы не знать. И именно это со мною случилось.

Я узнал, что все обитатели дома, кроме папы, тети Оли и тогда еще живого дяди Миши – это просто питомцы, привезенные папой из каких-то заоблачных далей. И я вовсе не папин сын, я всего лишь один из питомцев. Вот почему я не такой, как папа.

Но я и не такой, как они! Они безмозглы, а я довольно умен. И, кроме того, я действительно люблю папу. Люблю даже больше, чем тетя Оля. Я знаю, когда-нибудь он это поймет и приблизит меня к себе. Поверьте, мой час придет! А пока продолжу рассказ.

Вскоре к нам в дом приехали гости: тот самый грузный, некрасивый дядька, с которым папа говорил по видону, и с ним еще дамочка – вполне себе ничего! Оба в серо-голубой форме с погонами, у обоих на спине вышито «Служба внутренних расследований» – полицейские, значит. Мужчина коротко острижен, гладкие темные волосы женщины собраны в пучок. Мужчине никак не меньше пятидесяти, дамочке, думаю, лет тридцать.

Поздоровались они с папой, представились: дядьку звали Борис Беркутов, а дамочку – Регина Светина. Дамочка мило улыбалась, дядька выглядел немного недовольным. Он прошелся по комнате с камерой, выбирая место для съемки, прислонил камеру к дверце шкафа, и она там словно приклеилась, а затем повернулся к папе.

– Что ж, пожалуй начнем... Назовите ваше имя.

– Меня зовут Иван Завадский, – бесцветным голосом ответил папа.

– Назовите имя погибшего.

– Михаил Рыжкин.

– Кем вам приходился погибший?

– Мы не родственники. Михаил – мой бывший коллега и друг.

– Как именно он погиб?

– Он погиб при взрыве бани.

– Понятно. Мы должны осмотреть останки.

Тут папа беспомощно развел руками.

– Боюсь, что это совершенно невозможно. Взрыв был такой мощный, что там вообще ничего не осталось. Все буквально испарилось, даже бревна, из которых сложена баня. Остались только камни и несколько бесформенных металлических слитков.

Дядька задумчиво покривил рот и многозначительно глянул на дамочку. Ее ответная улыбка была еще более многозначительной. Похоже, эти двое понимали друг друга без слов.

– И какова ваша версия случившегося? – снова задал вопрос полицейский.

Бросив взгляд на диван, папа предложил полицейским присесть. Дядька охотно воспользовался приглашением, а дамочка осталась стоять.

Я с легкостью прочел ее мысли. Она считала, что у нее красивая фигура, и ужасно хотела, чтобы папа это заметил. Я в душе посмеялся над глупой женщиной. Если бы она только знала, насколько папе сейчас не до ее фигуры! Он даже на лицо этой дамочки толком не взглянул, а лицо у нее красивое.

– Мою версию вы уже знаете, – сказал папа. – Взрыв был необычным – очень мощным, но при этом очень локальным. Для обычной взрывчатки это нехарактерно. Я думаю, причина взрыва – батарея в банном нагревателе. Утечка позитронов в батарее привела к аннигиляции.

Тут и дамочка вмешалась в разговор. Она уверенно заявила, что позитронная батарея вызвать взрыв никак не могла. Это, мол, утверждают все производители новейшей техники, да и других подобных взрывов пока не зафиксировано.

В ответ папа высказал мысль, что батарея могла быть бракованной (пусть брак на производстве и редкость, но ведь, в принципе, такое возможно!) или кто-то мог ее специально повредить. Вот и случился взрыв при нагреве!

Грузный дядька незаметно подмигнул своей напарнице и обратился к папе:

– Все это как-то сложно и весьма сомнительно. Лично я предложил бы версию попроще. Вы сами заманили друга в баню, убили его там, а затем, чтобы скрыть следы преступления, взорвали баню какой-то особой взрывчаткой. Когда вы были капитаном на космическом лайнере, у вас был доступ к любой взрывчатке. Кое-что могли и замыкать...

Папа бешено уставился на дядьку, затем внезапно заорал.

– Да вы с ума сошли! Вы в чем, вообще, меня подозреваете? В убийстве друга и в краже взрывчатых веществ с корабля? Меня?! Да как у вас язык повернулся! Я с корабля за все время не вынес ни винтика, не говоря уже о взрывчатке. А с Мишей мы были как братья, прошли с ним огни и воды, не раз спасали друг друга от смерти. Зачем мне убивать своего лучшего друга?

Дядька (сразу видно, человек бывалый и стойкий) лишь досадливо поморщился и произнес спокойно, но твердо.

– Только не надо на меня кричать. Я просто делаю свою работу. Вот вы говорите – зачем вам его убивать? А мотив, знаете ли, не всегда очевиден. Вы называете погибшего другом, и что? Это ж только с ваших слов вы друзья, а на деле – кто знает... Мало ли какие между вами счеты! Бывает, что двадцать лет дружат, а потом вдруг «кошка пробежала» – и злейшие враги. Хорошо еще, если открыто враждуют, а то порой улыбаются друг другу, а за улыбкой ненависть прячут.

Внимательно слушая дядьку, я добавил в копилку выражений «пробежавшую кошку». Вот уж не думал, что кошки такие зловредные! Кошка всего лишь пробежала, и люди стали злейшими врагами. А ведь некоторые держат их дома, позволяют им лежать у себя на диване... Ужас! Даже страшно представить. Хорошо, что в этом доме нет кошек!

Дядька тем временем продолжал.

– Так что, пока не найден убийца, снять с вас подозрение никак нельзя. Но вы можете нам помочь. Расскажите-ка все по порядку, не выдвигая собственных версий. Начните с приезда к вам Михаила. Итак, мы слушаем.

– Да-да, мы вас внимательно слушаем, – ввернула дамочка, спуская пониже замочек молнии на форменной рубашке. Между полусферами ее груди оказалась небольшая ложбинка.

Папа не обратил на это внимание, зато напарник дамы удивленно поднял бровь.

– Так жарко же! – бросила она, и, оставив молнию в покое, изобразила крайнюю степень внимания.

Папа прокашлялся и начал.

– Значит, с приезда Миши... Что ж, он приехал ко мне примерно в одиннадцать. Может чуть раньше или позже – я не смотрел на часы. Я оставил его на кухне, а сам затопил баню. Потом мы с Мишей сидели в предбаннике, болтали и пили турассу. Затем мы с ним отправились в парилку. Поскольку остатки дров уже догорали, я включил нагреватель. Это было где-то в начале первого. Затем минут сорок мы парились. Около часа дня Миша решил искупаться. Отсутствовал минут семь, не больше. Как только он вернулся, я тоже побежал купаться.

Дядька подозрительно хмыкнул.

– А вы всегда купаетесь по очереди?

– Нет, конечно, – вымученно улыбнулся папа. – Так получилось. Мише не терпелось окунуться, он и рванул к реке первым. Меня же после парилки мучила жажда, и я решил хлебнуть в предбаннике турассы. Бутылка на столе оказалась пустой. Я достал из коробки новую и открыл ее. Выпил стопку, но жажда не прошла. Выпил еще одну. Тут, смотрю, уже и Миша возвращается. Чего, говорит, пьешь в одиночку? Сбегай-ка, окунись, и продолжим вместе! Ну, я и побежал купаться. Он еще и дверь за мной закрыл.

– Дверь за вами закрыл? Что вы этим хотите сказать? – скептически прищурил глаз полицейский.

– А то, что когда я выбегал наружу, Михаил был жив и вполне здоров.

Вернув непроницаемость лицу, дядька кивнул.

– Хорошо, продолжайте.

– Потом я с разбегу нырнул в речку и поплыл. Снаружи солнце слепит, а вода прохладная. Бодрящая такая вода. У самого дна мальки мельтешат, и водоросли тихо колышутся. Доплыл до другого берега, назад повернул. Думал, раз десять туда-сюда сплываю – уж больно вода хороша, и погода как по заказу. Такая благодать, и вдруг все летит к чертям. Этот внезапный взрыв чуть глаза мне не выжег. Вовремя зажмурился. И все же он был не такой, как, скажем, от тротила или гексагена. Ни огня, ни дыма, ни летящих во все стороны обломков. Мощная вспышка света, а потом баня словно испарилась.

Тут папа поднял голову и с надеждой посмотрел на полицейского.

– Вы ведь можете проверить мои слова! Запросите видео с орбитального спутника. Вы там сами все увидите: и как мы по очереди бегали купаться, и как Миша дверь за мной закрыл, и какой был взрыв на месте бани... Пожалуйста, запросите видео со спутника! Это же несложно, правда?

Дядька задумчиво кивнул.

– Ну, в общем-то, несложно. Запросим, как только вернемся в отдел. А пока вы мне ответьте на вопрос... Кто еще имел доступ в баню?

– Кто еще?..

Несколько секунд папа озадаченно смотрел на полицейского, затем смущенно сказал:

– Только Ольга, моя невеста. Но она не могла...

Дамочке, видно, надоело вертеться перед папой, тем более, что он на нее почти не смотрел, и она плюхнулась на диван рядом с напарником.

– Позвольте нам самим делать выводы! – жестко произнесла она. – Если это не несчастный случай и не самоубийство, а, на мой взгляд, и то и другое крайне маловероятно, то это – умышленное убийство. Самое тяжкое из всех преступлений! И у нас на данный момент только двое подозреваемых – вы и та самая Ольга, которая, по-вашему, «не могла». Кстати, где она сейчас?

– Ольга? – растерянно переспросил папа. – С утра в город уехала.

– И зачем же она уехала в город? – язвительно поинтересовалась дамочка. – Алиби себе добывает?

Голос у нее был довольно резким и не очень сочетался с ее привлекательной внешностью.

– Какое такое алиби! – искренне возмутился папа. – Она каждую субботу в город мотается! Магазины, подружки, салон красоты...

Дамочка лучезарно улыбнулась.

– О, понимаю!

Я снова прочел ее мысли. Судя по ним, отсутствующая тетя Оля вызывала у дамочки откровенную неприязнь, зато папа был ей явно симпатичен. А я, в свою очередь, проникся симпатией к дамочке – за то, что она, как и я, сочувствовала папе и не слишком жаловала тетю Олю.

– Вы с невестой живете вместе? – вновь спросила дамочка.

– Ну, да, – отозвался папа. – Это ведь не запрещено, правда?

– Нет, конечно, – подал голос дядька, а его спутница заметно помрачнела.

– И в котором часу Ольга уехала в город? – вновь задала она вопрос.

– Точно не скажу, – задумчиво отозвался папа. – Я же говорю, что не следил за временем.

Может, в половине десятого, а, может, в десять...

– Что ж, проверим, – пообещала дамочка и огляделась. И тут она впервые заметила нас. Ойкнула и подняла руки повыше, чтобы, значит, за палец ее не тяпнули.

– А это что еще за монстры? – испуганно воскликнула она. – Надеюсь, они не кусаются?

Этими словами она разом перечеркнула мою симпатию к ней. Я знаю, кто такие «монстры», недаром же я каждый день смотрю папин телик! Монстрами называют ужасных страшилищ, которые всех вокруг убивают, а то и едят. Так вот, не стоит нас так называть! Пусть мы всего лишь питомцы, но мы не монстры. Даже мои безмозглые соседи достойны лучшего отношения.

– Кусаются? Нет, что вы! – поспешно заверил ее папа. – Это мои питомцы, вывезенные из звездной системы Пси Октанта. И они совершенно безобидны.

Но дама уже справилась с испугом – похоже, она была совсем не робкого десятка. К тому же, ее интересовали не мы, ее интересовал папа.

– А у вас есть на них разрешение? – строгим голосом спросила дамочка, при этом взгляд ее вовсе не был строгим. Было в ее взгляде что-то, что напомнило мне смешные толкания папы и тети Оли. Неужели дамочка тоже хочет потолкаться?!

– Конечно, есть! – ответил папа и достал из шкафчика документы.

Женщина наспех их просмотрела и передала дядьке, который изучал их долго и въедливо. Наконец, он закончил смотреть документы и по очереди обвел нас всех сверлящими глазками.

– Надо же, зверушки из дальнего космоса! – почти мечтательно произнес он. – Представьте, впервые вижу их так, практически рядом. В космосе я отродясь не бывал, тем более, в дальнем космосе. А в зоопарках такие всегда за толстенным стеклом – ни покормить их, ни погладить. Я вот с племянником недавно был в зоопарке, всяких там зверушек насмотрелся, но таких, как у вас, не видел. Любопытные экземпляры! Интересно, а как у них с интеллектом?

– С интеллектом? – удивленно переспросил папа.

– Ну, насколько они умны? – пояснил дотошный дядька.

Папа на минуту задумался, затем неопределенно пожал плечами.

– Сложный вопрос. С нашими животными их сравнивать нельзя, поскольку и анатомия, и физиология совсем другие. У некоторых и мозга-то нет – непонятно, чем они вообще думают. Их, конечно, изучают ученые, да только средств на это выделяется мало. Сейчас на всех планетах Пси Октанта правит бал лопатник, туда и утекают все денежки. От себя скажу лишь одно – ни один из моих питомцев не умнее собаки!

Услышав такое от папы, я очень сильно расстроился. Настолько сильно, что на какое-то время перестал замечать происходящее в доме. Смутно помню, как полицейские ходили по нашему дому – что-то долго выискивали, но, кажется, так ничего и не нашли... После папных слов мне было уже не до них.

Все оказалось напрасным! Напрасно я мечтал когда-нибудь понравиться папе. Напрасно я выучил все слова чуждого мне языка, надеясь однажды на нем заговорить. Напрасно, тайком от папы, я начал читать его книги. Напрасно разобрал и вновь собрал его видон, да так, что папа ничего и не заметил.

Я знал, что папа считает меня безмозглым, я всегда это знал. Но все же теплилась во мне надежда, что среди прочих питомцев он как-то меня выделяет, что он видит мой потенциал и просто ждет, когда тот полностью раскроется. А оказалось, что ничего особенного он от меня не ждет. Для него что я, что мои безмозглые соседи – все едино! И если даже я однажды заговорю, он вряд ли оценит мои старания. Ведь папа уверен, что я, как и прочие, «не умнее собаки»!

Глава седьмая

Автотакси мягко притормозило на шоссе возле дома Завадского.

Ольга сладко потянулась в откиннутом кресле (она почти всю дорогу проспала), с помощью кнопки привела кресло в нормальное положение и приложила карту оплаты к темному кружку на передней панели. Зажегся зеленый индикатор (подтверждение успешной оплаты), и правая дверь машины плавно отъехала назад.

Девушка вышла из машины, обошла ее сбоку и поднесла ту же карту к кружку на багажнике. Крышка багажника сдвинулась вверх, и специальный механизм аккуратно выгрузил из машины тележку с покупками. Подчиняясь заложенной программе, тележка сама покати-лась по центральной дорожке к крыльцу дома, въехала по пандусу на крыльцо и остановилась перед входной дверью.

Дверца такси плавно закрылась. Через прозрачное стекло было видно, как бортовой компьютер включил навигацию. Подчиняясь сигналам компьютера, машина развернулась и поехала в сторону города. Если на компьютер не поступят новые заказы, такси вернется на базу.

Вольным движением раскинув руки, Ольга вновь потянулась и по центральной дорожке неспешно направилась к дому, как всегда любуясь им по дороге.

Дом Завадского смотрелся очень стильно — двухэтажный, из модного кирпича серебри-стого цвета, с панорамными окнами из голубоватого венерианского стекла, с огромной солнечной батареей на двускатной крыше, с небольшой квадратной трубой для камина.

С трех сторон дом был окружен пышными садовыми растениями, многие из которых были отобраны в питомнике и закуплены лично Ольгой. Старалась она, как видно, не зря. Отдельные деревья уже радовали глаз почти созревшими плодами – привычными для средних широт грушами, яблоками, сливами. Среди растений кое-где мелькали специально выведенные сорта финиковых пальм и манго, правда, плодов на них пока не было.

За деревьями, не видимые ни с шоссе, ни из окон дома, располагались вольеры с экзотическими питомцами, которых Иван не рискнул поселить вместе с людьми. К вольерам вела боковая дорожка, на которую и свернула Ольга.

Вольеров было четыре – по числу питомцев. Прозрачные снаружи стены позволяли девушке хорошо видеть животных. Крыша вольеров меняла прозрачность в зависимости от освещения, давая возможность животным укрыться от яркого солнца. День был жарким, но в вольерах царил приятная полутьма.

Ламбрикон, как всегда, был в движении, наматывая круги по периметру вольера. С учетом размеров животного, его вольер был самым крупным. Кузя что-то вынюхивал возле почти пустой кормушки. Барсик, лежа на спине, сыто потягивался всеми шестью лапами. Черныш укрылся в маленькой пещерке, недавно сооруженной для него Иваном. Там, внутри, ему казалось, что снаружи его никто не видит. Бедняга жестоко ошибался – снаружи пещерка была прозрачной.

Убедившись, что в вольерах все в порядке, Пименова вернулась на центральную дорожку и вскоре подошла к крыльцу. Привычно коснувшись ладонью панели на раздвижной двери, она подождала щелчка. Щелчка не последовало, и Ольга недовольно нахмурилась.

Из окон второго этажа на нее оценивающе смотрела лейтенант полиции Регина Светина.

Ольга была невысокой и складной, с тонкой талией, округлыми бедрами и довольно пышной грудью. На ней были легкие летние брючки и белая рубашка в полоску (хит нынешнего сезона). Лицо, на взгляд Регины, было простоватым: округлый подбородок, ямочки на щеках, чуть вздернутый нос. Косметики мало: небольшой акцент зеленой тушью на глаза, да прозрач-

ная помада на губах. Светло-русые волосы до плеч абсолютно натурального цвета. В целом, девушка красивая, но неброская, такую в толпе не сразу заметишь.

Ольга оказалась не такой, какой ее воображала Регина. Допрашивая Ивана, она представляла его невесту этакой холеной стервой под метр восемьдесят ростом, с длинными худыми ногами и ультрамодной прической «ночная хищница», а девушка оказалась вполне обычной. И отхватила себе такого классного мужика!

«И что он в ней нашел?» – с завистью подумала Регина, но тут же отругала себя за столь неподходящие мысли. Она же на работе, а здесь не место мелкой женской зависти! «Могла ли эта девушка убить?» – задала она себе новый, более правильный, вопрос.

В своей работе лейтенант Регина Светина нечасто сталкивалась с убийствами. Ее студенческие знания по психологии убийц покрылись изрядным слоем пыли.

С середины прошлого века убийства на Земле отмечались все реже и реже, и тому способствовал ряд причин. Начать с того, что на планете не стало нищих. Конечно, на Земле оставались богатые и бедные, и богатые могли себе позволить кое-какие излишки, о которых бедным оставалось только мечтать... Зато на Земле уж лет сто, как никто не голодал. У всех желающих работать была работа, а не желающим трудиться платили вполне приличное пособие.

Рождаемость взяли под строгий контроль во всех без исключения странах, и максимум двое детей на семью стало общим законом. Уже имевшие двоих детей пары бесплатно получали контрацепцию. Никто на это не роптал и не жаловался, поскольку просвещенность населения была весьма высока.

Бывало, что случались осечки, и наступала третья беременность, которую обычно прерывали на самом раннем сроке. Но если пара упускала момент, и прерывать беременность было поздно, рождавшийся ребенок изымался из семьи и отдавался в фонд усыновления, откуда его забирала какая-нибудь бездетная пара.

Система школьного образования везде была довольно жесткой. На базисных знаниях зиждилась цивилизация, в них были основы всей жизни общества. Базисные знания должен был усвоить каждый, и правительства всех стран за этим строго следили! Усвоил основы, а дальше уже по желанию: хочешь – иди в институт, хочешь – на производство или в службу, хочешь – мечтай, читай, путешествуй (насколько позволит пособие и помощь родителей). Главное – закон не нарушай!

О войнах человечество давно забыло, и границы между странами во многом были условны. Мировую экономику контролировали корпорации, для которых не было ни границ, ни запретов.

Социальные достижения не прошли даром, и люди стали убивать друг друга реже. Никто давно не убивал ради куска хлеба или крыши над головой – еда и кров теперь были у всех. И все же убивать продолжали – из зависти, из жадности и даже просто ради развлечения.

Проблему долго изучали ученые-психологи всех стран, и их выводы во многом совпали. Общий вердикт был таков: объективных причин для убийств в современном обществе нет, все причины убийств глубоко субъективны. Все убийцы изначально порочны, и даже долгие тюремные сроки их вряд ли исправят. Зато современная медицина исправит, причем, как говорится, раз и навсегда!

Лет тридцать назад международной лигой государств, куда, кроме России, входили США, Объединенная Европа, Индия и Китай, был принят новый уголовный Закон. Любой человек, совершивший умышленное убийство, подлежал обязательному исправлению.

Исправления боялись гораздо больше пожизненных сроков. Пожизненные сроки отбывали в дальних космических поселениях, где жизнь была суровой, драматичной, но все-таки своей. Исправление оставляло убийцу на свободе, в привычных вроде бы условиях, но при этом меняло решительно все.

Регина Светина была почти ровесницей Закона, и на себе убедилась в его действенности. Убийств стало мало, реально мало, за десять лет службы в отделе «особо тяжких» она сталкивалась с убийством всего лишь в третий раз.

«Могла убить – не могла, не стоит гадать! – решила в итоге Светина. – Как там нам говорили на лекциях? Опирайтесь не на вероятности, а на факты, и исходите из предпосылки, что убить, в принципе, может любой, кроме того, кто уже „исправлен“. Так и поступим!»

Дверь, как обычно, оказалась не заперта, и Пименова просто отодвинула ее в сторону. Не подозревая, что за ней наблюдают, Ольга пропустила вперед самоходную тележку, лихо покотившую прямо на кухню, и вошла в дом.

– Ваня, я приехала! – громко объявила она и вслед за тележкой прошла на кухню. Тележка остановилась возле холодильника. Ольга открыла холодильник и стала выгружать купленные в городе деликатесы из искусственного мяса, по запаху и вкусу ничем не отличимого от натурального.

Искусственное мясо выращивали из культуры клеток в специальных лабораториях, что было проще и дешевле, чем содержать стада реальных животных. Ольга слышала, что где-то в дальних космических колониях люди едят настоящее мясо, но сама это мясо, как и большинство землян, ни разу не пробовала.

Выгрузив продукты, она снова крикнула:

– Ваня, ты где?

В этот момент в дверном проеме возник немолодой мужчина в полицейской форме. Ольга в недоумении уставилась на него.

– Старший лейтенант Борис Беркутов, – сухо представился полицейский. – Вы – Ольга Пименова?

И было в этом коротком вопросе нечто такое, что заставило девушку мгновенно побледнеть и напрячься.

– Да, а что случилось? – роняя упаковку с мясом назад в тележку, спросила она. И вдруг, не дождавшись объяснений, громко выкрикнула: «Ваня! Ваня! Иди сюда сейчас же! Ваня, здесь полиция!»

Борис Беркутов остался внешне невозмутимым.

– Послушайте, девушка, давайте без истерик! – строго сказал он. – Иван сейчас занят, он беседует с моей напарницей. А я, если вы не против, пока побеседую с вами.

Она так и осталась стоять возле тележки – бледная, напряженно-испуганная.

– Извините, пожалуйста! – произнесла она одеревеневшими губами. – Я просто очень испугалась. Подумала, что что-то случилось с Ваней.

Полицейский понимающе улыбнулся.

– Жив ваш Ваня, жив и здоров, – ободряюще произнес он. – Чего, увы, не скажешь о его приятеле Михаиле...

Ольга невольно вздрогнула.

– А что случилось с Мишей? – испуганно мерцая продолговатыми серо-зелеными глазами, спросила она.

Михаил Рыжкин убит, – буравя собеседницу острым взглядом, ответил полицейский.

Ольга застыла, часто моргая, затем как-то неловко улыбнулась.

– Вы не шутите?

– Нет, не шучу, – мрачно ответил Беркутов.

Его цепкий взгляд все так же не отрывался от Ольги.

Миловидное лицо девушки отразило вереницу чувств – растерянность, недоверие, внезапное осознание, потрясение, испуг. Наконец, она еле слышно спросила:

– Как это случилось?

Полицейский молчал, продолжая в упор смотреть на Пименову. Под тяжелым взглядом Беркутова она почувствовала себя преступницей. И не в силах больше выносить этот взгляд, Ольга выпалила:

– Вы Ваню подозреваете, да? Больше ведь некого, он один был с Мишей! Да только я ни секунды не верю, что Ваня мог кого-то убить. Тем более Мишу! Зачем ему убивать друга? Они никогда не ссорились, по крайней мере, при мне, а если и ссорились по пустякам, то тут же помирились. Такие ссоры вовсе не повод для убийства. Нет, это точно не Ваня. Лучше уж поищите среди этих!

– Кого вы имеете в виду? – заинтересованно произнес Беркутов.

Ольга набрала в грудь побольше воздуха. Сейчас он, конечно, поднимет ее на смех, но это можно пережить.

– Неземных питомцев Завадского, – четко произнесла она.

– Вы это серьезно? – с невольной ухмылкой спросил полицейский.

– Абсолютно, – насупилась девушка.

«Интересно, что ею движет? – убрав ухмылку, подумал Беркутов. – Пытается выгородить жениха, или всерьез подозревает „этих“? Хозяин дома утверждает, что все его питомцы не умнее собаки. Выходит, невеста с ним не согласна?»

– Интересная версия! – нараспев произнес он. – Что ж, алиби у этих тварей нет, но есть одна загвоздка. Убийца неплохо разобрался в технике, а для этого нужны хорошие мозги. Например, как у вашего всесторонне образованного жениха. Не удивляйтесь, прежде чем ехать к вам, я навел о Завадском справки. Он ведь окончил высшую школу астронавтики? О, это всемирно известный брэнд, тупиц туда не берут даже за взятки. Да тупица и сам туда не пойдет, зачем ему эта головная боль! Итак, нам нужен умный гаденыш, знакомый со сложной техникой. А насколько, по-вашему, умны питомцы Завадского?

Чувствуя себя полной дурой, Ольга пролепетала:

– Возможно, они умнее, чем кажутся.

И поспешно добавила:

– Но Ваня с этим ни за что не согласится.

Беркутов тем временем быстро осмотрел кухню. Из всей кухонной мебели его заинтересовали лишь вращающиеся кресла на колесиках. Подойдя к ближайшему, он тяжело плюхнулся в него. Хлипкое с виду кресло легко выдержало вес грузного мужчины.

– Присаживайтесь! – предложил он девушке, указав на кресло рядом с собой. Приглашение прозвучало так, словно хозяином дома был он, а Пименова просто зашла к нему на чай.

– И у вас есть доказательства их ума? – удобно расположившись в кресле, поинтересовался Борис.

Присевшая рядом с ним девушка отрицательно качнула головой.

– Скорее, интуиция. Знаете, когда я в доме, я все время что-то такое чувствую. Словно за мною кто-то наблюдает... Кто-то из них!

«А у нее, часом, не паранойя?» – подумал Беркутов, а вслух спросил.

– И кто же это, по-вашему?

Пименова растерянно развела руками.

– Не знаю. Они все такие странные, так не похожи на земных животных! Если вы их видели, то поймете.

– О, да! – легко отбрасывая казенный тон, воскликнул Беркутов. – Я видел их там, в гостиной. Жуткие создания! Особенно меня потрясла шерстистая змея с ручками. Не понимаю, зачем змее эти маленькие ручки, да еще две пары... Она ведь просто ползает, я сам видел, для чего же ручки?

– Это Канат, змеехвост с планеты Таон, – с видом знатока сообщила Ольга. – Ручками он удерживает пищу. Вообще-то он вегетарианец, так утверждает его хозяин, а с ним я спорить

не могу. Только зубки-то у Каната о-го-го! Совсем не как у вегетарианца. Признаться, он меня сильно пугает.

– Да, эти ручки плюс острые зубки дают ему немалые возможности, – признал Беркутов. – А он сообразительный?

– Возможно, – многозначительно произнесла Ольга.

– Возможно, невозможно! – недовольно пробурчал Борис. – Все это только слова, а мне нужны факты. Например, он выполняет какие-нибудь команды? Ну, хотя бы элементарные. Скажем, «лежать» или «к ноге»?

– Команды? – вновь растерялась Ольга. – Не знаю. Об этом спрашивайте у Ивана.

Достав из кармана салфетку, Беркутов вытер вспотевшее лицо. День был жарким, а кондиционером в доме Иван принципиально не пользовался. Работал лишь потолочный вентилятор, но толку от него было мало.

– Странно! – бросив смятую салфетку на стол, произнес Борис. – Насколько я понял, вы уже давно живете в этом доме. Года два, не меньше?

– Без малого три года, – смущенно ответила Ольга.

– И вы ни разу не пытались пообщаться с этим... Тросом или как его там?

– Пообщаться с Канатом?! – возмущенно хмыкнула девушка. – Нет уж, увольте! Он меня не просто пугает, он мне физически неприятен. Я, видите ли, с детства боюсь змей. Даже ужей, хоть они и безобидные. Для меня Канат – та же змея. Когда он в комнате, я вообще стараюсь на него не смотреть.

Беркутов вытащил новую салфетку и промокнул ею лысину.

– Прекрасно вас понимаю, – ослабив застежку форменной рубашки, продолжил он, – я и сам змей боюсь. Ладно, бог с ним, с Канатом. Как насчет забавного мохнатого мячика? Уж он-то вам наверняка симпатичен!

Он ждал улыбки, но Ольга лишь нервно потеряла руки.

– «Забавного мячика» зовут Чухендра, она тоже с Таона. Я лично не вижу в ней ничего симпатичного. Странное животное, дикое какое-то. Даже на свою кличку не реагирует.

Обрюзгшее лицо Беркутова расплылось в улыбке.

– А, может, ей просто не нравится кличка? Чухендра – это что? Кого вообще можно так назвать?!

– Не думаю, что дело в кличке. Этой твари не нравлюсь я. Михаил ей, кстати, тоже не нравился.

Беркутов удивленно глянул на Ольгу.

– Почему вы так думаете?

– Год назад она его укусила, причем безо всякой причины. Хорошо, что в доме был лопатинил. Иван обработал им Мише рану, и все обошлось.

Борис еще больше ослабил застежку рубашки и полез в карман за новой салфеткой.

– И чем же ей так досадил Михаил? Может, он как-то над ней измывался?

– Ну, разве что подшучивал... Но дело не в этом. Он не любит этих тварей, и они это чувствуют. Вернее, не любил...

Вспомнив о смерти Рыжкина, девушка внезапно замолчала.

– Продолжайте, продолжайте! – бесцеремонно поторопил ее Беркутов. – В вашей гостиной были еще две твари: одна похожа на большую студенистую каплю, другая – на зубастую синюю сову. Что вы скажете о них?

– «Капля» – это мегапротей, или попросту «амеба», – очнувшись от своих печальных дум, заговорила Ольга. – Ваня (вот ведь чудак!) назвал ее Розалией. Он привез ее с Миманта. Очень странная форма жизни. Между прочим, способна к мимикрии, может ненадолго принять форму какого-нибудь предмета, например, брошенного тапка или цветочного горшка. Однажды она превратилась в футбольный мяч, который выглядел ну очень натурально. Иван

чуть ногой по ней не заехал, вовремя отползла. Завадский считает мимирию защитным инстинктом, но я иногда сомневаюсь. А вдруг ее мимикрия – это попытка контакта? Одно могу сказать наверняка – в отличие от Чухендры, она совсем не проявляет агрессии.

Ольга искоса взглянула на Бориса, словно проверяя, произвел ли впечатление ее рассказ. Лицо полицейского было непроницаемым.

– Что касается «зубастой совы», – продолжила она, – то это зубокрыл с Таона. Кличка Антей. Не могу сказать, что зубокрыл агрессивен, но зато он хитер и склонен к воровству. Недавно схватил мой серебряный браслет и куда-то спрятал. Искали по всему дому с металлоискателем. Так вот, браслетик мы так и не нашли!

Полицейский удивленно хмыкнул.

– Он его что – съел?

На что девушка загадочно улыбнулась.

– Может, и съел. А, может, просто где-то бросил, а съел уже кто-то другой. Иван говорит, что многие твари с Таона способны переваривать металл, а в доме живут сразу три такие твари – Антей, Канат и Чухендра.

– Значит, в доме живут три твари с Таона и одна с Миманта, – подытожил внимательный Беркутов. – Но, насколько я знаю, у Завадского есть и другие питомцы.

– Да, еще четверо, – подтвердила Ольга. – Они довольно крупные, и поэтому находятся снаружи, в вольерах. Например, один из них размером почти с лошадь – разве такого в дом приведешь?

– А те, что снаружи, подозрений у вас не вызывают? – с хитрой улыбкой спросил полицейский.

– Признаться, нет, – простодушно ответила Ольга. – Как бы вам это объяснить?.. Они более понятны, что ли... Более предсказуемы. К тому же, они заперты в вольерах, а там сенсорные замки. Замки реагируют только на прикосновение моей или Ваниной ладони.

Беркутов на секунду задумался, затем спросил.

– А те, что живут у вас в доме, разве могут выйти наружу? У вас, я вижу, все окна закрыты сетками...

Ольга иронично покивала.

– Окна-то закрыты, а входная дверь лишь прикрыта, ее можно запросто отодвинуть. Ваня свято верит, что никто из его питомцев с этим не справится, и запирает дверь только на ночь, или когда мы оба в отъезде.

– Очень интересно, – промолвил Беркутов. – Так, может, Завадский и вольеры не запирает? Кто из вас там делает уборку?

– Мы делаем ее по очереди, – поспешно пояснила девушка, – и после Вани я всегда нахожу вольеры запертыми.

Беркутов достал очередную салфетку и тщательно промокнул лицо и лысину. Ольга, наконец-то, догадалась предложить ему воды с тоником, и полицейский благодарно кивнул.

– А зачем вообще Завадскому этот странный зоопарк? – отхлебнув воды, спросил он. – Ваш жених так любит животных, или тут что-то иное?

– Любил бы животных, завел бы собаку, кошку или попугая, – с усмешкой ответила Пименова. – Тут – иное. Как бывший заслуженный астронавт, Иван тоскует по дальнему космосу. Он еще в отличной форме, мог бы летать и летать. Но четыре года назад их с Рыжкиным списали в запас.

– А почему так рано? – удивился Беркутов.

– У них в Управлении дальнего космоса с этим строго: чуть-чуть за сорок – готовься к списанию. Многие из «списанных» уходят в ближний космос, там хоть до восьмидесяти летай! А Ваня с Мишей отказались, предпочли работу на Земле. Не потому, что устали,

а потому что, со слов Ивана, дальний и ближний космос – совсем не одно и то же. Так вот, для Вани эти твари – его память о дальнем космосе. Он словно все еще там, понимаете?

Сентиментальность в голосе Ольги внезапно сменилась тревогой.

– Я тут рассуждаю про дальний космос, а Мишу убили! Скажите же мне, наконец, как это случилось?

Осушив бутылку с водой, полицейский поставил ее на стол. Ольга быстро достала поднос и плоскую щетку из утилизатора мусора, сгребла на поднос бутылку и использованные салфетки и вставила поднос обратно в утилизатор. Прибор тихо заурчал.

Взбодрившийся после тоника Беркутов поднялся с кресла и заходил по кухне.

– Скажите-ка, Ольга, а сами вы кем работаете?

Девушка с улыбкой взглянула на полицейского. Профессия была предметом ее особой гордости.

– Я – учитель физики в старших классах.

– Вот как?!

Теперь полицейский смотрел на нее по-другому: вроде бы и с уважением (профессия учителя и так в большом почете, а тут еще учитель физики!), но при этом с явно возросшим подозрением.

– Так вы, значит, физику преподаете! И в позитронных батареях разбираетесь?

Она непонимающе уставилась на Беркутова. «При чем здесь какие-то батареи?» – вопрошал ее взгляд.

– Немного разбираюсь, – настороженно ответила она.

– Они ведь герметично запаяны, верно?

– Верно, – теряясь в догадках, ответила Ольга.

– А можно механически разрушить батарею в домашних условиях?

И вновь настороженный взгляд из-под слегка подкрашенных ресниц – уж очень странно ведет расспрос этот грузный полицейский!

– Думаю, это совершенно невозможно, – ответила Пименова. – Они же в особо прочном, наглухо запаянном корпусе. По ним можно бить кувалдой, их можно бросать в топку, рядом с ними можно даже взрывать бомбы. С позитронными батареями абсолютно ничего не случится! Температуры, при которой плавится металл наружной оболочки, в обычных условиях никак не достичь – она близка к температуре ядерного взрыва.

Беркутов некоторое время переваривал информацию, затем попытался возразить.

– Но их ведь как-то вскрывают при утилизации?

Девушка победоносно улыбнулась.

– Позитронные батареи не вскрывают! Когда заканчивается срок эксплуатации, их партиями вывозят на Плутон. Там для них что-то вроде свалки...

– Надо же, как интересно! – с непонятым сарказмом воскликнул Беркутов. – А ваш жених, похоже, с вами не согласен. Он считает, что «позитронки» (извините за жаргон) можно повредить. Он даже допускает «позитронки» с браком, с заводским браком!

– Он ошибается, – уверенно заявила Ольга. – Повредить их невозможно, а заводской брак и вовсе чушь. Ване простительно, он же астронавт, а не физик!

– А что случится, если, чисто теоретически, повредить наружную оболочку батареи? Сразу последует взрыв? – продолжал развивать непонятную тему Беркутов.

– Не думаю, – устало улыбнулась Пименова. – Устройство позитронной батареи засекречено, но мне как физику известно чуть больше других. Под стальной наружной оболочкой «позитронки» есть еще одна из свинца. Вот если и ее разрушить – тогда, конечно, будет взрыв.

Ее все больше тревожило непонятное поведение Беркутова. Вместо того, чтобы расследовать убийство, он вел какие-то странные разговоры. И дались ему эти «позитронки»!

– И как разрушить внутреннюю оболочку? – не унимался Борис. – Ну, чисто теоретически...

Ольга ненадолго задумалась.

– Пока цела наружная оболочка – никак, – наконец, заговорила девушка. – Она из особого, не проводящего тепло сплава. Но если, чисто теоретически, оболочка из особо прочной стали повреждена, то все намного проще. Свинец расплавится при нагреве – он не такой жаростойкий, как металл наружной оболочки. Температура его плавления всего триста двадцать семь градусов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.